

TARTU RIIKLIKU ÜLIKOOLI TOIMETISED
УЧЕННЫЕ ЗАПИСКИ
ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ALUSTATUD 1893. a.

VIHİK № 56 ВЫПУСК

ОСНОВАНЫ В 1893 г.

Л. ЭРИНГСОН

ТАРТУСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
В 1905 ГОДУ

RESÜMEE:

TARTU ÜLIKOOL 1905. AASTAL

ZUSAMMENFASSUNG:

DIE UNIVERSITÄT TARTU IM JAHRE 1905

TARTU 1957

TARTU RIIKLIKU ÜLIKOOLI TOIMETISED
УЧЕННЫЕ ЗАПИСКИ
ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ALUSTATUD 1893. a. VIHK 56 ВПУСК ОСНОВАНЫ В 1893 г.

Л. ЭРИНГСОН

ТАРТУСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ В 1905 ГОДУ

RESUMEE:

TARTU ÜLIKOOL 1905. AASTAL

ZUSAMMENFASSUNG:

DIE UNIVERSITÄT TARTU IM JAHRE 1905

TARTU 1957

Редакционная коллегия: Г. Мосберг (отв. редактор), П. Аристэ, А. Каск,
Эд. Лаугасте, А. Пярль, Л. Роотс и И. Сильвет. Секретари: А. Правдин и
Э. Ууспыльд.

Введение ¹

Буржуазно-демократическая революция 1905—1907 гг. в России была первой н а р о д н о й революцией эпохи империализма, вызванной глубоким кризисом экономического и политического строя страны. Она привела в движение все классы общества. Все прогрессивные силы страны вели революционную борьбу за свержение царизма — злейшего врага народов России и могучего оплота международной реакции. Гегемоном революции выступал пролетариат, руководимый ленинской партией нового типа. Первая русская революция была «генеральной репетицией» Великой Октябрьской социалистической революции.² Это всемирно-историческое значение её определяет важность и необходимость всестороннего выявления и исследования источников, анализа событий, характеризующих деятельность отдельных отрядов политической армии борцов против самодержавия в период революции.

В. И. Ленин неоднократно подчеркивал: «Нам надо позаботиться, — и кроме нас некому будет позаботиться, — о том, чтобы народ знал эти полные жизни, богатые содержанием и великие по своему значению и своим последствиям дни...»³ Глубокое изучение истории революции 1905—1907 гг. укрепляет в нашем народе его славные революционные традиции.

Многочисленные документальные материалы показывают, что в 1905—1907 гг. одним из очагов революционной борьбы в Эстонии был Тартуский университет. В качестве основной революционной силы в университете выступало революционно-демократическое студенчество, с самого начала вставшее на сторону народа в борьбе за разрешение основных задач буржуазно-демократической революции. Вдохновляющим примером для тар-

---

¹ Предлагаемая работа является в основном второй главой кандидатской диссертации старшего преподавателя Л. Эрингсон на тему: «Тартуский университет в период первой русской революции 1905—1907 гг.», выполненной при кафедре истории СССР Тартуского государственного университета под руководством проф., доктора исторических наук Г. И. Мосберг.

² В. И. Ленин, Соч., т. 29, стр. 284.

³ В. И. Ленин, Соч., т. 13, стр. 24.

туского студенчества явилась героическая борьба русского и эстонского пролетариата, всероссийское студенческое движение.

Основные причины студенческого движения были обусловлены углублявшимся кризисом царского самодержавия, разнузданной, невероятно бессмысленной и зверской реакцией, усилением национального угнетения, нарастанием революционной борьбы в стране, а также внутренними условиями университетской жизни в дореволюционной России.

Реакционная политика царского правительства вообще, и особенно по отношению к высшей школе, самым отрицательным образом сказывалась и на положении Тартуского университета, скрывая имевшиеся в нём потенциальные возможности дальнейшего развития. С распространением на университет устава 1884 г. вводились мелочная опека и полицейская слежка как за студентами, так и профессорско-преподавательским составом, «автономия» профессорской коллегии была ликвидирована.

К началу XX в. в университете произошли значительные изменения, особенно в национальном и социальном составе студенчества. Если раньше в университете учились в основном дети немецкого дворянства и городской буржуазии, то с введением русского языка преподавания начался приток студентов из внутренних губерний России, особенно усилившийся после разрешения в 1897 г. приема воспитанников духовных семинарий I степени на все факультеты, кроме богословского. Если в 1895 г., по приблизительным подсчетам, студенты немецкой национальности составляли 50—55% из общего количества студентов в 1064 чел., то к 1904 г. их осталось около 17—20%; в то же время количество русских (в том числе украинцы и белорусы) студентов возросло с 10% до 60% (общее количество студентов 1908 чел.).³ Постоянно возрастало и количество эстонских студентов и достигло накануне революции 100—120 человек. Кроме того в Тартуском университете учились ещё евреи, латыши, поляки, грузины и др. Студенчество университета по праву можно было назвать многонациональным.

Социальный состав студенчества стал по преимуществу буржуазным и мелкобуржуазным. Количество выходцев из дворян составляло менее $\frac{1}{5}$ из общего числа студентов. Характерно, что если в Харьковском университете, например, в 1904/1905 учебном году они составляли 48,8%,⁴ то в Тартуском — 17—18%.⁵ Однако следует учесть, что это были в основном отпрыски наиболее реакционного остзейского дворянства. Увеличилось количество студентов из крестьян (в 1900 г. — 150 чел., в 1904 г. — 199 чел.), но это были, главным образом, представители сельской буржуазии. «Неимущий пролетарий от станка и крестьянин от сохи, — писал

³ Личный состав Имп. Юрьевского университета, Юрьев, 1895, 1904 годы.

⁴ Харьковский государственный университет им. А. М. Горького за 150 лет. Харьков 1955, стр. 134.

⁵ ЦГИА ЭССР, ф. 402, оп. 4, 1904—1905, д. 1339, л. 105.

В. И. Ленин, — пройти в университет не могли ни при царе Николае, ни при республиканском президенте Вильсоне. Наука и техника для богатых, для имущих; капитализм даёт культуру только для имущих.»⁶

Материальное положение большинства студентов (не считая детей помещиков, высших чиновников и купцов) было тяжелым. Проф. патологии Савельев считал одной из особенностей университета крайнюю материальную необеспеченность большинства студентов, приезжавших из разных концов России.⁷ Плата в пользу университета, гонорар преподавателям, плата за пользование лабораториями и клиниками доходила на отдельных факультетах до 70 руб., на пятом курсе медицинского факультета даже до 125 руб. в полугодие.⁸ Стипендию получало самое ничтожное количество студентов. Накануне революции наибольшее число стипендиатов было в 1904 г. — 133 человека, но из них только 74 получали казённые стипендии, остальные — частные. Назначение стипендий производилось из политических соображений. Широко практиковалось исключение студентов; исключали за невзнос платы в пользу университета и профессоров; исключали за участие в студенческом движении, за политическую «неблагонадежность»; приходилось покидать университет и студентам, заболевшим от постоянного недоедания и плохих условий жизни. Так, в 1902 г. количество исключённых возросло до 275 человек.⁹

Студенты были лишены самых элементарных политических прав. Запрещались студенческие организации политического и выборного характера, общестуденческие собрания, представительные коллективных заявлений и т. д. Только существованию немецких корпораций не делалось никаких препятствий ввиду крайне реакционных настроений корпорантов. Вне университета студенты подвергались надзору жандармерии, внутри — студенческой инспекции, выполнявшей также функции полицейского сыска.

Тяжелое материальное положение большинства студентов и политическое бесправие не могло не приводить их демократическую часть, следившую за революционной борьбой пролетариата, к борьбе против самодержавия. Путеводной звездой, ускорившей правильное понимание реакционной и антинародной политики царизма и направившей молодежь на правильный путь борьбы, явилась идеология освободительного движения пролетариата — марксизм. Передовое студенчество жадно устремилось к научному социализму, находя в нём правильные ответы на волнующие его вопросы. Происходило «... по в а л ь н о е увлечение теорией марксизма русской образованной молодежи...»¹⁰

⁶ В. И. Ленин, Соч., т. 29, стр. 51.

⁷ ЦГИА ЭССР, ф. 402, оп. 4, 1901—1902, д. 1274, л. 295.

⁸ ЦГИА ЭССР, ф. 402, оп. 5, 1901—1916, д. 1527, л. 1—14.

⁹ ЦГИА ЭССР, ф. 402, оп. 4, 1902, д. 1288, л. 25.

В Тартуском университете одними из первых стали изучать и распространять марксизм латышские студенты-демократы, основавшие в 1888 г. «Научно-литературное общество дерптских студентов», которое называли «Pīrkaloņija». В него входил Э. Вейденбаум, революционный поэт (студент университета в 1887—1892 гг.), один из первых латышей, изучавших работы Маркса. Общество издавало альманах «Пурс» (3 тт., 1891—1894), в котором были опубликованы первые марксистские статьи на латышском языке.

В 1893 г. в университете был основан марксистский кружок,¹¹ одним из активных руководителей которого был студент В. Шанцер (Марат), впоследствии большевик, активный руководитель декабрьского вооруженного восстания в Москве. Кружок ставил своей целью распространение марксистских идей среди студенчества путем чтения произведений Маркса и Энгельса, длительных дискуссий. Для проведения дискуссий использовались студенческие общества «Concordia» и «Общество русских студентов». Марксистская литература добывалась нелегальным путем, главным образом из Петербурга, иногда из-за границы. Так, в 1900 г. тартуские студенты просили прислать им, наряду с другими книгами, труды Маркса «Нищета философии» и Энгельса «Научный социализм».¹²

Наиболее активными распространителями идей революционной социал-демократии были в основном русские студенты. Многие из них, особенно исключенные из других университетов за политическую неблагонадежность, имели уже большой опыт пропагандистской работы и прочно оформившееся мировоззрение. В 1902 г. в университет поступил член РСДРП, искровец П. Лебедев-Полянский. На V курсе медицинского факультета учился находившийся под надзором полиции член РСДРП Д. Ульянов,¹³ брат В. И. Ленина.

Д. Ульянов был одним из организаторов студенческих марксистских кружков в Москве и пропагандистом в рабочих кружках. В 1897 г. его арестовали и исключили из университета. После тюремного заключения и высылки из Москвы ему удалось осенью 1900 г. поступить в Тартуский университет, который окончил в конце 1901 г. У него установились тесные связи с демократической частью тартуского студенчества; он много сделал для расширения политического кругозора молодежи и организации студенческого движения в Тарту. Через него студенты могли получать труды В. И. Ленина, в частности «Развитие капитализма в России». Д. Ульянов был в частой переписке с В. И. Лениным и Н. К. Крупской, находившимися за границей, посылал им книги и

¹⁰ В. И. Ленин, Соч., т. 5, стр. 346.

¹¹ В. М. Дерптская группа марксистов 1894—1896 гг. и Шанцер. «Пролетарская революция» 1923, № 14, стр. 597—600.

¹² ЦГИАМ, ф. ДП, 1898—1901, ч. 77, л. Б, л. 7.

¹³ ЦГИА ЭССР, ф. 402, оп. 1, 1900, д. 26873, л. 3—6; д. 26874, л. 1—2.

газеты. Из переписки В. И. Ленина с родными видим, что он с нетерпением ждал известий от брата из Юрьева.¹⁴ Все это позволяет предполагать, что в Тарту, среди студентов университета были корреспонденты «Искры», распространявшейся здесь. Так, отдельные номера «Искры» были обнаружены полицией при обыске студентов в 1902 г.¹⁵ В 1902—1903 гг. в «Искре» имеются сообщения из Тарту¹⁶.

Марксистская литература оказывала огромное влияние на рост политической сознательности учащейся молодежи. Из нее она узнавала о роли и значении партии рабочего класса, училась строить нелегальные социал-демократические организации. «Искра» поощряла и учила «... студентов, начинавших понимать необходимость политической борьбы и переходивших к такой...»,¹⁷ уделяя большое внимание студенческому движению. Свыше ста статей и корреспонденций с мест о студенческом движении было помещено на ее страницах.

С конца 90-х годов стала изучать марксизм и группа эстонских студентов, среди них Р. Аавакиви, Ю. Юргенс, Я. Сарв и другие. Их деятельность носила весьма прогрессивный характер, поскольку они распространяли материалистическое мировоззрение и боролись против идеализма и поповщины, интересовались социальными вопросами. В 1900—1901 гг. Аавакиви, например, написал ряд статей, в которых пропагандировал идеи дарвинизма, тесную связь органического мира с неорганическим,¹⁸ что вызвало резкие нападки со стороны реакционных кругов. Именно в студенческие годы (1899—1902) познакомился с марксизмом известный впоследствии эстонский революционер и скрипач Э. Сырмус. Он первым из эстонских студентов университета примкнул к студенческому движению, за что в 1902 г. был исключен из университета.¹⁹

По мере расширения своего политического кругозора многие эстонские студенты (Г. Аст, К. Аст, К. Руга и др.) начали проводить организационную и пропагандистскую работу среди учащихся средних школ.²⁰ Это, однако, не означало, что все они стали последовательными социал-демократами. С ростом революционной борьбы пролетариата часть их оказалась в лагере буржуазного либерализма. Но в конце XIX в. социал-демократические идеи охватывали незначительную часть тартуского студенчества.

¹⁴ В. И. Ленин, Письма к родным, Москва 1934, стр. 254, 260, 268 и сл.

¹⁵ ЦГИА ЭССР, ф. 296, оп. 1, 1902, д. 18, л. 287, 334, 339.

¹⁶ «Искра», 1902, № 19, 1903, № 41.

¹⁷ В. И. Ленин, Соч., т. 5, стр. 405.

¹⁸ «Rahva Lõbuleht», 1900, N 1—3, 11; 1901, N 2, 6, 8—10.

¹⁹ «Klassivõitlus», Petrograd 1919, N 5/6, стр. 15—16; ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 151, 1902—1903, д. 370, л. 127.

²⁰ Punased aastad. Mälestisi ja dokumente 1905. aasta liikumisest Eestis. I. Tartu 1932, стр. 37—39, 53 и др.

Тартуское демократическое студенчество активно включилось в общий поток студенческого движения с 1899 г., в связи с всеобщим протестом против позорного избиения полицией студентов Петербургского университета. С самого начала оно избрало пролетарскую форму борьбы — забастовку. Вследствие выступления студенчества впервые в истории университета занятия были приостановлены с 24 февраля до 26 апреля 1899 г., причем возобновление лекций было достигнуто с помощью полиции и воинских частей. Студенты университета выступили вместе со студентами ветеринарного института.

Несмотря на подавление первой забастовки, студенческое движение в Тартуском университете стало расти вширь и вглубь. На начальном этапе оно носило еще академический характер: студенчество боролось в основном за академические свободы, не выступало против всего самодержавного строя. Однако наиболее сознательные студенты уже начинали призывать к непримиримости с существующим режимом, что явилось результатом деятельности марксистских кружков и обострения социального кризиса в стране. Забастовки ускорили рост политической сознательности учащейся молодежи, оказали известное влияние на рабочих, а также с большой определенностью отмежевали реакционное крыло студентов, вставших сразу же на защиту политики царского правительства.

Начиная с 1902 года демократические студенты Тартуского университета встали на путь политической борьбы²¹ под лозунгом «Долой самодержавие!» Передовые студенты стали понимать всю бессмысленность мечтаний об академической свободе при беспросветном рабстве народа и необходимость борьбы против самодержавного строя.

Возникнув стихийно, с течением времени студенческое движение стало приобретать определенные формы. Первоначальной формой студенческих организаций были землячества, объединения по территориальному признаку студентов-«земляков» или же студентов одной национальности. Землячества существовали нелегально, так как по циркуляру 1887 г. участие в них каралось исключением из университета. В Тарту более крупными были землячества Нижегородское и Крымское, в них большинство составляли социал-демократы. В Нижегородском землячестве одним из активнейших членов был студент-историк В. Десницкий (ныне профессор русской литературы в Ленинграде), один из организаторов студенческого движения накануне революции. Организатор Крымского землячества Брянцев писал студентам Киевского университета: «...Все члены (землячества) социал-демократы и я также социал-демократ, потому

---

²¹ Э. Янсен, О революционном движении среди тартуских студентов в конце XIX и начале XX вв. «Ученые Записки ТГУ», Труды историко-филологического факультета, Таллин 1954, № 35, стр. 17—18.

что считаем этот путь единственно верным для ниспровержения существующего деспотического строя . . . , в самом зародыше убивающего всякое стремление к свободе и истине.»²² По примеру других университетов, в Тарту землячества создали в 1899 г. свой координирующий центральный орган — «Союзный совет Дерптских объединенных землячеств и организаций», который сыграл известную роль в руководстве студенческим движением до революции. Он состоял из 24—26 человек; наиболее активными членами были студенты Чапурский, Малицкий, Молчанов, Клочков и др. В 1901 г. членом Союзного Совета был Д. Ульянов.²³

Ленин и партия большевиков придавали большое значение активизации студенческого движения. На II съезде РСДРП по предложению Ленина была принята резолюция «Об отношении к учащейся молодёжи», в которой съезд приветствовал оживление революционной деятельности среди учащейся молодёжи и рекомендовал всем организациям партии оказать ей всяческое содействие.²⁴ Ленин учил, что одними только своими силами студенчество не может вести грандиозную борьбу против самодержавия. Эту борьбу может выдержать лишь объединённая сила народа, впереди которого пойдёт рабочий класс.

Ленин научно обосновал необходимость борьбы за студенчество как один из крупных отрядов буржуазной демократии, привлечение которого необходимо для организации общего натиска на царизм, поэтому революционная социал-демократия должна была взять в свои руки руководство студенческим движением, чтобы изолировать его от влияния либеральной и мелкобуржуазной агитации. Он резко критиковал эсеров и меньшевиков за их вредную проповедь «беспартийности» студенческих организаций и студенческого движения вообще, фактически служившую интересам буржуазно-помещичьей реакции.²⁵

В непосредственной связи с выполнением решений II съезда в Тарту в 1903 г. организационно оформилась Тартуская группа РСДРП. В нее входили студенты университета Чудновский, Коварский, Томкевич, Лебедев, Бенасик, Лиознер, студенты ветеринарного института Аболтин, Чудовский и др.²⁶ Из эстонских студентов членами группы РСДРП были Г. Аст, А. Кескюла, К. Руга и К. Аст (двое последних — студенты ветеринарного института). Партийного единства в группе не было, что ослабляло силы руководящего центра. Последователями большевиками были Лебедев, Томкевич, Михайлов, Чудовский, Аболтин; но

²² ЦГИАМ, ф. ДП, 1898, д. 3, ч. 77, л. Б, л. 3—4

²³ ЦГА Лат. ССР, ф. 240, оп. 4, 1902, д. 32, л. 62—63.

²⁴ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, ч. I, Москва 1953, стр. 53—54.

²⁵ В. И. Ленин, Соч., т. 7, стр. 35—36.

²⁶ ЦГИА ЭССР, ф. 286, оп. 50, 1907, д. 22, л. 281; Из личных воспоминаний Н. Чудовского.

значительным было и влияние меньшевиков (Лиознер, Бенасик и др.). Эстонские социал-демократы, группировавшиеся в основном вокруг газеты «Uudised», придерживались с самого начала федералистских тенденций. Но на данном этапе борьбы их всех объединяла ненависть против царского самодержавия, против экономического, политического и национального порабощения народа.

Студенты-большевики проводили большую воспитательную и организационную работу среди студенчества, последовательно направляя его на путь политической борьбы и помогая правильно сочетать студенческое движение с общероссийской революционной борьбой пролетариата.

Студенческое движение кануна революции с большей силой, чем это было прежде, показало, что оно не было единым. В нём происходила борьба направлений, группировок, являясь отражением классовой борьбы в России. В. И. Ленин отмечал, что в основе политических группировок лежала классовая дифференциация общества.²⁷

Крайними реакционерами, ярыми противниками студенческого движения были немецкие корпоранты, организаторы «антистачечных партий» и «Общества патриотов-студентов».²⁸ Близко к ним стояла группировка выходцев из немецкой и русской крупной буржуазии, именовавшая себя «Altera pars» («другая сторона»), тесно сотрудничавшая с учебным начальством и полицией. Большая часть членов «Общества эстонских студентов» принадлежала к так называемым «равнодушным», которые называли себя «независимыми». На самом же деле их «равнодушие» превращалось в поддержку правительства и местной буржуазии. В своих воззваниях они утверждали, что открытая борьба с существующим режимом еще не назрела, что студенчество еще не хочет бороться,²⁹ чем старались отвлечь молодежь от революционной борьбы. Имелись и «академисты», сторонники только университетской автономии и противники политических требований. Известную часть студенчества составляли мелкобуржуазные либералы, которые на словах готовы были участвовать в движении, но всегда сомневались в «достаточности фактов» для выступления.³⁰

Последовательными руководителями студенческого движения были революционные социал-демократы. Но их деятельность проходила в более трудных условиях, чем в других университетских городах России. Если в Петербурге, Москве, Казани студенчество находило руководство и поддержку со стороны пролетариата, то у тартуских студентов этот союзник был очень слабым в силу мелкобуржуазного характера города. В 1904 г. в Тарту

²⁷ В. И. Ленин, Соч., т. 7, стр. 29.

²⁸ ЦГИА ЭССР, ф. 296, оп. I, 1902, д. 18-11, л. 305.

²⁹ Там же, л. л. 200—201. 234.

³⁰ Там же, д. 18, л. 256.

насчитывалось 27 промышленных предприятий с 863 рабочими.³¹ Наиболее крупными были машиностроительный завод Фауре с 111 рабочими и мебельная фабрика Банделира с 105 рабочими.³² На большинстве же предприятий количество рабочих колебалось от 15 до 40. Рабочие составляли лишь около 2% из общего количества населения в Тарту, в то время как в Пярну — 11%, в Таллине — 9%.³³ В Тарту довольно значительно было развито ремесленное производство: в городе было 260 ремесленных предприятий с 1600 ремесленниками.³⁴ Концентрация рабочих была крайне слабой, что тормозило рост их политической сознательности; часть их находилась под влиянием буржуазно-националистической идеологии. Накануне революции тартуские рабочие ещё не поддерживали студенческое движение. Это, несомненно, затрудняло работу студентов социал-демократов, особенно при наличии сильного реакционного крыла в студенчестве в лице корпорантов. Но, несмотря на это, революционная агитация социал-демократов была настолько плодотворной, что вокруг них сплотилась лучшая часть тартуского студенчества, которая готовилась к решительной схватке с самодержавием и сразу же примкнула к начавшейся революции в 1905 году.

1. Университет в начале революции.

Кровавые события 9 января в Петербурге, когда пролетариат получил великий урок гражданской войны, явились началом буржуазно-демократической революции в России. Революционное воспитание рабочего класса за один день шагнуло вперед так, как оно не могло бы шагнуть в месяцы и годы серой будничной, забитой жизни.³⁵

Из Петербурга революционное движение распространилось по всей России. В течение января-марта 1905 г. бастовало 810 тысяч одних только промышленных рабочих, т. е. в два раза больше, чем за десять предшествующих лет!³⁶

На борьбу с царским самодержавием поднялся и пролетариат Эстонии, один из первых, в лице таллинских рабочих, забастовавший 12 января. Январская всеобщая стачка в Таллине продолжалась 10 дней и оказала влияние на другие города Эстонии: Нарву, Пярну, Тарту. Она знаменовала собой начало революции в Эстонии.

³¹ Сборник «Tartu», Tartu 1927, стр. 507.

³² ЦГИА ЭССР, ф. 560, оп. I, 1899—1910, д. 32, л. 24. См. Адресная книга фабрично-заводской и ремесленной промышленности всей России. Москва 1907/8, изд. II, стр. 261, 268.

³³ Сборник «Tartu», Tartu 1927, стр. 506.

³⁴ Там же, стр. 507.

³⁵ В. И. Ленин, Соч., т. 8, стр. 77.

³⁶ 50 лет первой русской революции. Тезисы. «Правда», 22. I. 1955.

В январе бастовало в Эстонии около 15 тысяч человек. Широкая волна стачечной борьбы продолжалась и в феврале.

Под влиянием рабочего движения и военных поражений на Дальнем Востоке усилились революционные настроения среди крестьян, а также в армии. К борьбе против царизма примкнула и демократическая интеллигенция.

Развитие революции ясно показывало, что она с самого начала приняла всенародный характер. Основной движущей силой революции выступал пролетариат, его ближайшим союзником — крестьянство. Её главной задачей было свержение царизма и установление демократической республики.

В поддержку народов России, с протестом против кровавого злодеяния русского царизма выступили международный пролетариат и прогрессивные общественные деятели в капиталистических странах.

Важным отрядом политической армии борцов против царского самодержавия явилось демократическое студенчество России, по примеру пролетариата объявившее политическую забастовку и прекратившее занятия до 1 сентября 1905 г. В течение января-марта забастовали студенты высших учебных заведений Москвы, Петербурга, Казани, Киева и других городов. Приостановилась учебная деятельность свыше 40 тысяч студентов и 1,5 тысячи профессоров и преподавателей. Всюду принимались резолюции с призывом бороться за революционное изменение существующего строя.

Студенческое движение начала революции было не самостоятельным движением, а явилось следствием общенародного революционного подъема, будучи связано с ним и существовавшее в зависимости от него.³⁷ Оно имело огромное значение в деле вовлечения в революционную борьбу против самодержавия массы буржуазной и мелкобуржуазной молодежи, становившейся на определенном этапе на сторону пролетариата в борьбе против царизма, в деле расшатывания и деморализации правительства.

В Тарту, как и всюду, сигналом к выступлению явилось «кровавое воскресенье» в Петербурге. Тартуская группа РСДРП узнала о нем уже 10 января и сразу же выпустила гектографированную прокламацию на эстонском и русском языках, призывавшую к борьбе с царизмом: «Раздался первый гром приближающейся революции . . . Край неба краснеет от революционного зарева . . . Восстаньте все, возьмитесь за оружие и выступите на борьбу.» Прокламация кончалась призывом: «Долой самодержавие! Долой войну! Да здравствует республика!»³⁸ Она распространялась среди рабочих и студентов Тарту, а также в уезде.

³⁷ О. Латышева, Московский университет в революционной борьбе в период первой русской революции 1905—1907 гг. Кандидатская диссертация. Москва 1954, стр. 68.

³⁸ Революция 1905—1907 гг. в Эстонии. Сборник документов и материалов. Таллин 1955, стр. 60—62.

В это время студенты возвращались с зимних каникул. По инициативе большевиков 12 января было создано общестуденческое собрание, на котором выступавшие рассказывали о петербургских событиях, о преступлении правительства и баррикадных боях столичного пролетариата и призывали выразить свой протест присоединением к начавшейся революционной борьбе. На собрании распространялась встречавшая горячее сочувствие прокламация группы РСДРП. Было решено в знак солидарности с питерскими рабочими занятий не начинать (в случае необходимости прибегая даже к обструкциям) и провести 13 января общегородскую демонстрацию протеста.³⁹ Вечером 12 и утром 13 января студенты проделали большую работу по распространению прокламаций и оповещению рабочих и учащихся об организации демонстрации. Во многих случаях прокламации передавались рабочим завернутыми в номера буржуазной газеты «Postimees».

Массовые митинги и демонстрации с участием более тысячи человек состоялись 13 и 14 января. На Ратушной площади произносились пламенные речи, ораторы призывали народ вооружаться и готовиться к свержению государственного строя.⁴⁰ 15 и 16 января были попытки организовать новые демонстрации. Местные власти, опасаясь стачки рабочих, в спешном порядке вызвали из Цесиса дополнительный отряд солдат.

Демонстрации 13 и 14 января носили политический характер, они выражали горячий протест против антинародной политики царизма; на улицах Тарту прозвучали лозунги: «Долой самодержавие!», «Да здравствует демократическая республика!» В отличие от Таллина организаторами демонстрации в основном являлись студенты. Самыми активными агитаторами выступали студенты университета Самбикин, Холмский, студенты-ветеринары Казаринов и Данкевич.⁴¹ Инспектор студентов университета тревожно доносил попечителю: «Могу утверждать, что в уличных волнениях в городе Юрьеве главную, а может быть и руководящую роль сыграла учащаяся молодежь».⁴²

Местная реакционная печать, как эстонская, так немецкая и русская, стремилась замолчать политическое значение демонстраций. Распространяя злостную клевету в основном на русских студентов, газеты в один голос объясняли все хулиганскими выходками «погромщиков» фонарей, окон и винных лавок.⁴³

Вследствие недостаточной разъяснительной работы, проводимой Тартуской группой РСДРП среди рабочих, и быстрой активизации сил реакции в Тарту в январе не произошло забастовки

³⁹ ЦГИА ЭССР, ф. 325, оп. I, 1905, д. 1235, л. 14.

⁴⁰ «Postimees», 15. I 1905, № 11.

⁴¹ ЦГИА ЭССР, ф. 325, оп. I, 1905 д. 1235, л. 59.

⁴² ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 152, 1904—1905, д. 186, л. 16—17.

⁴³ «Postimees», 14, 15. I 1905, № 10, 11; «Nordlivländische Zeitung», 14, 15. I 1905, №№ 10, 11; «Рижский Вестник», 15. I 1905, № 10.

рабочих. Слабой сознательностью части рабочих поспешила воспользоваться эстонская буржуазия, лидером которой был редактор газеты «Postimees» Ян Тыниссон. Он, повторяя вымыслы официозных газет, с целью дезориентации читателей сводил все к простой случайности: «Возможно, не было бы ни сопротивления, ни бунта, если бы не было Тетявкина».⁴⁴ При активном участии Тыниссона на предприятиях и мастерских были выделены «депутаты» от рабочих, так называемые «старосты», находившиеся под влиянием хозяев и принадлежавшие к среде рабочей аристократии. От их имени он опубликовал 15 января «Официальное объяснение и воззвание», содержащее верноподданнический протест против рабочего движения вообще и тартуских демонстраций в частности.

Активная деятельность буржуазии не могла приостановить роста революционного настроения передовой части рабочих и студенчества. Почти ежедневно происходили сходки, студенты разрабатывали план борьбы. Перепуганная администрация университета запретила всякие собрания, а полиция стала проводить обыски и аресты среди студентов.⁴⁵ Полицеймейстер исходатайствовал отнесение Тарту к числу городов, находившихся на «особом режиме».⁴⁶

Начало учебной работы в университете было предусмотрено с 20 января. Но первые же дни занятий показали, что идея забастовки все больше охватывала молодежь; лекции почти не посещались.

25 января состоялось предварительное совещание представителей студентов университета и ветеринарного института; на нем было выработано обращение к профессорским советам. В обращении указывалось, что студенты считают невозможным после кровавых январских событий продолжение занятий и предлагают советам потребовать прекращения учебной работы на весь семестр. Одновременно было принято обращение к профессорам обоих учебных заведений, начинавшееся словами: «К вам, заявившим о непрерывном упадке русского просвещения . . . , указавшим на связь этого упадка высшего образования с общим беспорядком личности в России . . . »⁴⁷ Студенты призывали профессоров к совместной забастовке, к отказу от чтения лекций. В обращении отражается настроение той части молодежи, которая стояла на позициях буржуазной демократии и видела в либеральной буржуазии вождя начавшейся революции.

⁴⁴ «Postimees», 14. I 1905, № 10. Прим. Одним из поводов начавшейся 3 января 1905 г. забастовки на Путиловском заводе был протест против незаконного увольнения мастером Тетявкиным 4-х рабочих. В связи с начавшейся всеобщей забастовкой, а затем кровавым расстрелом рабочих многие газеты, искажая классовую сущность событий, объявили причиной их «поступок» Тетявкина.

⁴⁵ ЦГИА ЭССР, ф. 402, оп. 7, 1903—1916, д. 490, л. 772.

⁴⁶ ЦГИА ЭССР, ф. 296, оп. I, 1905, д. 5, л. л. 5, 10.

⁴⁷ ЦГИАМ, ф. 102, 1905, д. 3, ч. 44, л. 3.

Подобное обращение студентов к профессорам было обусловлено политической позицией, занятой большинством профессоров высших учебных заведений России.

Профессора и преподаватели, как представители высших слоев буржуазной интеллигенции, в подавляющем большинстве разделяли политические устремления своего класса. Накануне революции либеральная буржуазия пыталась играть в оппозицию к царизму, желая использовать революционную борьбу пролетариата в своих классовых интересах. В условиях начавшейся революции и непрерывных военных поражений она серьёзно заволновалась. Либеральная буржуазия боялась революции, она искала сделки с царем против революции; чтобы расколоть силы революции, она требовала некоторых реформ для народа (т. е. власти для себя в борьбе против народа). Ленин, характеризуя позицию либеральной буржуазии, писал, что она «порозовела» после 9-го января.⁴⁸

Революционная волна привела в движение и либеральные круги профессорско-преподавательского состава, которые успели также заявить свои требования правительству. Во второй половине января в печати появилась записка 342-х учёных «Нужды просвещения».⁴⁹ В ней давалась резкая критика политики правительства в области народного просвещения, но профессорская оппозиция не шла дальше требования автономии высших учебных заведений и осуждения репрессий против студенчества.

Среди профессоров и преподавателей Тартуского университета резко определились в основном два политических направления: 1) монархическое, реакционное и 2) либеральное. Реакционная профессура сразу же выступила против революционной борьбы в стране, против студенческого движения и открыто встала на сторону царизма. Сюда относились профессор математики Граве, проф. специальной патологии Дегио, проф. древне-классической филологии Крашенинников, профессора богословского факультета и др. Но они оказались в меньшинстве.

К либеральному направлению принадлежала большая часть профессоров, доцентов, ассистентов. Наиболее активными были среди них профессора юридического фак-та Миклашевский, Пасек, Пергамент, Пусторослев, проф. патологии Яроцкий и др. Либеральная часть профессорского совета была обеспокоена ростом революционных настроений студенчества и предпринимала все меры к тому, чтобы отвлечь студентов от революции, стараясь доказать молодежи «бессмысленность» политических требований и пользу борьбы за реформы.⁵⁰ Но, с другой стороны, либералы стремились использовать начавшуюся революцию для нажима на правительство в целях получения и расширения для себя академических свобод, пересмотра университетского устава и т. д.

⁴⁸ В. И. Ленин, Соч., т. 9, стр. 147.

⁴⁹ «Русь», 27. I 1905.

⁵⁰ СМ. В. И. Ленин, Соч., т. 17, стр. 96—97.

Наиболее демократических взглядов придерживались проф. международного права В. Грабарь⁵¹ и проф. немецкого и сравнительного языковедения Д. Кудрявский. В жандармских доносах они обвинялись в сношениях с революционными студентами, в подстрекательстве их.⁵² За ними обоими был установлен строгий полицейский надзор.⁵³

Когда составлялась записка о «нуждах просвещения», либеральные профессора Тартуского университета высказали полную солидарность с ней; среди подписавшихся имеются фамилии 10 тартуских профессоров (Миклашевский, Грабарь, Кудрявский, Пергамент и др.).⁵⁴ Когда тщетными оказались попытки возобновления занятий, а студенчество все определеннее высказывалось за забастовку, либеральные профессора стали склоняться в пользу закрытия университета и подали в совет записку: «Ввиду кровавых событий, происходящих в Петербурге, повлекших за собой закрытие всех высших учебных заведений, за исключением нашего университета, мы считаем своевременным предложить на обсуждение, возможно ли при таких обстоятельствах продолжать занятия и у нас».⁵⁵

Таково было политическое настроение большинства профессуры университета, когда студенты выработали к ней свои обращения. Несомненно, на них оказало известное влияние присоединение профессоров к голосу всеобщего академического протеста.

Для обсуждения поданных записок 26 января состоялось заседание профессорского совета. Монархисты предлагали немедленно возобновить занятия, применяя репрессии против «нарушителей» порядка. Но при голосовании вопроса из 40 профессоров 28 высказались за временное закрытие университета. Срок возобновления занятий остался открытым. Это решение явилось выражением протеста против преступной политики царизма, а также следствием страха перед растущей революционностью студенчества. Либеральная профессура надеялась расколоть студенческое движение и подчинить его своему руководству.

Но официально прекращение занятий не приостановило борьбы революционно настроенных студентов за объявление забастовки на весь семестр. Они потребовали от ректора разрешения на созыв общестуденческой сходки 6 февраля.

Либеральные профессора поспешили опередить студентов, явно стремясь лишить их необходимости присоединения к всеобщему забастовочному движению. 4 февраля вновь собрался совет и

⁵¹ В. Э. Грабарь, Четверть века в Тартуском/Дерптском-Юрьевском/университете. «Ученые Записки ТГУ», Труды историко-филологического фак-та, Таллин 1956, № 35. Проф. Грабарь работал в Тарту с 1893 по 1918 г. Умер в 1956 г. в Москве.

⁵² ЦГИАМ, ф. 102, 1905, д. 003, ч. 44, л. 4—5.

⁵³ Там же, л. 43. Я. В. Лоя, Лингвистические взгляды Д. И. Кудрявского. «Русский язык в школе», Москва 1947, № 4, стр. 66.

⁵⁴ «Русь», 27. I 1905.

⁵⁵ ЦГИАМ, ф. 102, 1905, д. 003, ч. 44, л. 4.

20-ю голосами против 4-х было решено просить закрытия университета до 1 сентября.⁵⁶ В принятой резолюции указывалось, что «... Совет в настоящее время не усматривает никакой возможности возобновить чтение (лекций). Принимая во внимание, что брожение среди студентов вызывается причинами, лежащими вне университета, совет полагает, что до изменения этих общих причин нельзя указать никаких действительных мер... к восстановлению правильного течения университетской жизни.»⁵⁷ В резолюции нет ни слова о политических требованиях, имеются в виду лишь академические реформы, за предоставление которых либеральные профессора обещали подавление студенческого движения. Либералы, по характеристике Ленина, «это лицемерные торгаши, протягивающие одну руку (открыто) демократии, а другую руку (за спиной) крепостникам и полицейским».⁵⁸

Революционное студенчество, однако, не пошло на поводу у либеральной профессуры. Несмотря на противодействие профессоров и корпорантов, на общее собрание 6-го февраля собралось 1017 студентов (корпоранты прислали письменное заявление, что они отказываются от участия в собрании и не будут признавать его решений; более 400 человек не вернулось с каникул). Председательствовал студент математического отделения Николай Самбкин, один из активнейших и популярнейших организаторов студенческого движения в университете в годы революции, бывший бессменным председателем всех студенческих собраний в 1905—1907 гг.⁵⁹

Собрание продолжалось около 8 часов и было очень бурным. Обсуждался один вопрос: объявление забастовки до сентября. Присутствовавшие профессора Ясинский и Дегио склоняли студентов к мирной академической работе. Раздавались отдельные голоса студентов-академистов, доказывавших вред забастовки для науки. Но все их попытки остались безуспешными.

В констатирующей части принятой резолюции отмечалось, что варварская, потрясающая до глубины души расправа с безоружными рабочими Петербурга, с демонстрантами Риги, Варшавы и других городов, лишила самодержавный строй последней нравственной опоры и переполнила чашу долготерпения русского народа. В постановляющей части было записано, что тартуское студенчество присоединяется к общему требованию созыва Учредительного собрания, избранного на демократических основах, что только Учредительное собрание может изменить политический строй России. «Нет смысла просить от правительства, с ним должно лишь бороться; одним из средств борьбы явится прекращение занятий до 1 сентября.»⁶⁰ За закрытие университета на

⁵⁶ ЦГИА ЭССР, ф. 325, оп. I, 1905—1906, д. 1235, л. 70.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ В. И. Ленин, Соч., т. 20, стр. 5.

⁵⁹ ЦГИА ЭССР, ф. 492, оп. I, 1909—1910, д. II, л. 18.

⁶⁰ ЦГИАМ, ф. 102, 1905, д. 003, ч. 44, л. 8—9.

весь семестр голосовало 1004 студента, против — 3, воздержалось — 10.

Так тартуское студенчество ответило на злодеяние царизма политической забастовкой до начала осеннего семестра 1905 г.; оно присоединилось к начавшейся революции.⁶¹ На политической забастовке, как на первом этапе борьбы с самодержавием, сошлась подавляющая часть студенчества, различная как по социальной принадлежности, так и политической идеологии. Более революционные студенты видели в забастовке лишь первый шаг в борьбе за свержение самодержавия. Часть же надеялась путем забастовки добиться академической свободы в рамках старого режима; сюда относились те студенты из буржуазно-демократической среды, которые желали использовать революцию в целях ослабления царизма, в интересах буржуазии, стремившейся к усилению своей политической власти.

Корпоранты пытались сорвать забастовку; 7 февраля состоялось собрание «представителей» корпораций, на котором было решено политикой не заниматься, держаться в стороне даже от обсуждения политических вопросов. Они изъявили желание посещать лекции.⁶² Однако волна революции отбросила поборников реакции.

В начале революции отсутствовал еще организационный центр, руководивший революционной борьбой студентов. Формально сохранялся Союзный совет объединенных землячеств. Но в период все обострявшейся классовой борьбы и усиливавшегося политического расслоения он, как орган, составленный по «земляческому» принципу, не мог больше осуществлять общего руководства. Большую активность проявляло «Общество студентов-медиков», в его помещении на углу улиц Тяхе и Лилле часто происходили совещания и собрания. Общее руководство осуществляла, несомненно, Тартуская группа РСДРП, исходившая из решений Центрального Комитета. Об этом свидетельствует то, что в резолюциях общестуденческих собраний большинства высших учебных заведений России выдвигались, в основном, одинакового содержания требования.

Большевики уделяли большое внимание учащейся молодежи, как силе, которую следовало использовать в революции. В. И. Ленин решительно боролся с «обломовской боязнью» молодежи и указывал местным комитетам, что «. . . если вы не сумеете организовать и подтолкнуть их, то они пойдут за меньшевиками и Гапонами . . .»⁶³ Он имел в виду в первую очередь рабочую мо-

---

⁶¹ Студенты ветеринарного института приняли решение о политической забастовке уже 4-го февраля. См. Революция 1905—1907 гг. в Эстонии, Таллин 1955, стр. 64.

⁶² «Postimees», 9. II 1905, № 32; «Рижский Вестник», 10. II 1905, № 31.

⁶³ В. И. Ленин, Соч., т. 8, стр. 125.

лодежь, но и студенческая молодежь также была окружена вниманием партии.⁶⁴ Именно под влиянием партии движение студенческой молодежи вылилось во всеобщую забастовку.

Одновременно со студенческой забастовкой 7—10 февраля в Тарту впервые произошла всеобщая стачка рабочих. Рабочие требовали сокращения рабочего дня, улучшения условий труда, предоставления выходных дней. Владельцы некоторых предприятий (Фаурэ, Моор, Куузик) вынуждены были пойти на частичные уступки (введение 10-часового рабочего дня, увеличение заработной платы).⁶⁵ Революция ускорила рост политической активности рабочих.

Из донесений Юрьевского полицеймейстера видно, что студенты университета были активными организаторами забастовки среди рабочих.⁶⁶ Они распространяли листовки Тартуской группы РСДРП, призывали рабочих к борьбе с самодержавием, к борьбе за 8-часовой рабочий день.

Вслед за рабочими стало подниматься на борьбу и крестьянство Южной Эстонии. Первыми забастовали сельскохозяйственные рабочие в имениях Алатскиви и Кастре.

Переполюшившееся губернское начальство предстало перед правительством с просьбой о помощи, и с 14 марта в Лифляндской губернии было введено положение усиленной охраны, при котором запрещалось устройство собраний, митингов, ношение огнестрельного и холодного оружия. Но начавшуюся народную революцию уже невозможно было остановить.

После объявления забастовки и закрытия университета иногородние студенты стали разъезжаться в «кратковременные» отпуска в родные места. По приблизительным подсчетам, «отпускных билетов» для проезда во внутренние губернии, большей частью сроком до 1 августа, было выдано около 1500⁶⁷ /не возвратившиеся с каникул получали пропуска по почте, при условии взноса платы за обучение/.⁶⁸ Многие студенты устраивались на временную работу в качестве землемеров, учителей. Студенты старших курсов медицинского факультета принимали активное участие в борьбе с эпидемией холеры. «Общество студентов-медиков» обратилось к земским управам с предложением своих услуг. Вскоре последовало столько заявлений, что все члены общества выехали на места.⁶⁹ Из протоколов заседаний «Общества эстонских студентов» видно, что продолжительное время не могли со-

⁶⁴ К. Кожарин, Большевицское руководство революционным движением учащейся молодежи в годы первой русской революции 1905—1907 гг. Ленинград 1955, стр. 85.

⁶⁵ ЦГИА ЭССР, ф. 325, оп. I, 1905—1906, д. 1235, л. 76, 78.

⁶⁶ Там же, л. 71, 73.

⁶⁷ Состоянием на 1 января 1905 г. в университете было всего студентов, слушателей фармации и вольнослушателей 1872 чел.

⁶⁸ ЦГИА ЭССР, ф. 402, оп. 7, 1905, д. д. 551, 552, 553, 554.

⁶⁹ «Русь», 21. III 1905.

стояться общие собрания членов общества, так как большая часть их разъехалась.⁷⁰

Революционно настроенные студенты, социал-демократы проводили большую агитационную работу среди населения. Об этом свидетельствует целый ряд донесений начальников губернских жандармских управлений (Псковского, Саратовского, Владимирского, Виленского и др.).⁷¹ Эстонские студенты А. Кескюла, К. Руга и др. выехали в Таллин и наладили там связь с местными пропагандистами. Кескюла⁷² вскоре был арестован, а затем исключен из университета. Отдельные студенты устанавливали связи с крестьянами; например, А. Бах и Б. Палу проводили беседы в Ранну.⁷³

Оставшиеся в Тарту демократические студенты продолжали разъяснительную работу среди рабочих, участвовали в проведении рабочих собраний в Тяхтвереском парке, 1 мая распространяли листовки в городе и т. д.⁷⁴ Была попытка организовать типографию; с этой целью студенты К. Аст и Д. Лиознер установили связь с Рижским комитетом РСДРП и выехали в Ригу, но были там арестованы.⁷⁵

Большая работа проводилась среди учащихся средних учебных заведений. В связи с этим «Postimees» подняла бешеную кампанию травли воспитанниц женской гимназии за их связь со студенческими организациями, особенно с «Обществом русских студентов», оскорбительно называя их «коричневыми юбками», «стриженными», и обвиняя в аморальном поведении. Буржуазия надеялась таким образом отвлечь молодежь от революционного движения. В защиту девушек выступили широкие демократические круги эстонского общества, в том числе Ю. Лилиенбах, О. Мюнтер.⁷⁶

Небезинтересно отметить, что в то же самое время многие реакционно настроенные студенты спасались от революции быстрым выездом за границу, главным образом в Германию. Так, зимой и весной 1905 г. около 50 человек выхлопотали себе заграничные паспорта.⁷⁷

По мере роста революционного движения в стране возрастала и политическая активность профессорско-преподавательского состава.

---

⁷⁰ ЦГИА ЭССР, ф. 1767, оп. 1, 1905—1907, д. 31, л. 211—222.

⁷¹ Там же, ф. 402, оп. 7, 1903—1916, д. 490, л. л. 652—682, 750, 754 и сл.

⁷² А. Кескюла оказался впоследствии политическим авантюристом. См. Н. Röögelmann, *Haripunktil*. 1905. aasta Eestis, Leningrad 1926 стр. 88.

⁷³ Литературный музей им. Ф. Р. Крейцвальда АН ЭССР, ф. 172, М. 5, л. 2.

⁷⁴ *Punased aastad*, Tartu 1932, стр. 41, 53.

⁷⁵ Там же, стр. 62.

⁷⁶ «Uudised», 8—15. III, 26. IV 1905, №№ 19—21, 32; *Punased aastad*, Tartu 1932, стр. 35, 49—50.

⁷⁷ ЦГИА ЭССР, ф. 402, оп. 7, 1905, дд. 556, 557.

Либеральные профессора университета (Дьяконов, Яроцкий и др.) присоединились к петиции, поданной группой академиков и профессоров России правительству с выражением удовлетворения царским рескриптом от 18 февраля и пожеланием введения обещанного «представительного образа правления».⁷⁸

По примеру других высших учебных заведений либеральные профессора образовали весной 1905 г. в Тарту отделение профессиональной организации — Академического союза, объединившее 49 профессоров и преподавателей университета и ветеринарного института. Инициатором его организации был проф. Яроцкий. Он присутствовал на собрании учредителей Академического союза в Петербурге в феврале 1905 г. Тартуское отделение союза с самого начала разделилось на 2 группы: 1) группу профессоров (председатель проф. Яроцкий), 2) группу младших преподавателей (председатель проф. Кузнецов). Обе группы понимали свои задачи в основном в «упорядочении университетской жизни», придерживаясь требования университетской автономии и одобряя закрытие университета.⁷⁹ Последнее вызвало крайне враждебное отношение реакционной профессуры к Академическому союзу. Для характеристики можно привести мнение проф. Левицкого: «Для свободы научных исследований и свободы совести профессоров деятельность Академического союза была несравненно пагубнее деятельности Рунича и Магницкого, а по своим роковым последствиям может быть сравнена только с деятельностью инквизиции.»⁸⁰

Особенной активности Тартуское отделение Академического союза не проявляло. Некоторое оживление его деятельности наблюдается осенью 1905 года.

* *
*

Нараставший подъем революции привел в движение все классы общества. Перед пролетарской партией встала задача правильного и твердого политического руководства революционной борьбой масс. Для этого было необходимо выработать свою тактику в начавшейся революции. Но в результате раскольнических действий меньшевиков в рядах РСДРП не было единства, партия была расколота на две фракции: большевиков и меньшевиков, которые имели различные установки по вопросам стратегии и тактики партии. Большевики видели выход в немедленном созыве очередного, III съезда партии. Съезд должен был покончить с оппортунизмом меньшевиков в организационных и тактических вопросах и установить единую тактику пролетариата в демократической революции.

⁷⁸ ЦГИАЛ, ф. 922, оп. 1, 1905, д. 214, л. 1—3.

⁷⁹ ЦГИА ЭССР, ф. 922, оп. I, 1905, 214, л. 1—3, д. 17, л. 235.

⁸⁰ Там же, д. 16, л. 970.

III съезд РСДРП состоялся в апреле 1905 г. в Лондоне. Работой съезда руководил В. И. Ленин. Меньшевики отказались от участия на съезде и собрались одновременно на свою конференцию в Женеве.

III съезд, исходя из ленинского определения характера революции как буржуазно-демократической, вынес решение по всем актуальным вопросам революции: о роли пролетариата в революции, вооруженном восстании, об отношении пролетариата к крестьянству, к либеральной буржуазии, участию социал-демократов во временном революционном правительстве и другим. Съезд признал в качестве главной задачи партии и рабочего класса переход от массовых политических стачек к вооруженному восстанию.

Решения III съезда были восприняты большинством партийных организаций как боевая программа борьбы за победу демократической революции; они легли в основу всей практической деятельности партии. Большевики повели энергичную борьбу за их реализацию, мобилизуя все силы для решительного штурма царизма. Одним из отрядов, содействовавших подготовке этого штурма, было революционно-демократическое студенчество, практическая деятельность которого оказала большую помощь партии, пролетариату. Решения III съезда партии указали и ему ясную тактику дальнейшей борьбы.

2. Университет в период всероссийской октябрьской политической стачки.

- а) Развитие революционного движения в стране и обстановка в университете к осени 1905 года.

Летом 1905 г. революционные события быстро продолжали нарастать. Обострялась стачечная борьба пролетариата. Одним из наиболее важных выступлений летом явилась знаменитая стачка в Иваново-Вознесенске, проходившая под руководством большевиков. Примером массовой политической борьбы было выступление текстильщиков Лодзи, где всеобщая стачка рабочих переросла в баррикадные бои. Столкновения рабочих с царскими войсками происходили и в Варшаве, Одессе, Риге и других городах. В июне вспыхнуло восстание матросов на броненосце «Потемкин», явившееся первой попыткой перехода на сторону революции крупной части военной силы царизма. Летом 1905 г. во всей стране усилилось крестьянское движение, охватившее пятую часть всех уездов Европейской России. Ход революции свидетельствовал о том, что уже назревали условия для всеобщего народного восстания.

Собирали силы и эстонские трудящиеся. В авангарде растущего стачечного движения по-прежнему шел таллинский пролетариат.

Революционной борьбой народных масс в Эстонии руководили местные организации РСДРП. В начале революции они были еще немногочисленными и не имели достаточного политического и боевого характера. Активизация их деятельности начинается после ознакомления с решениями III съезда РСДРП.

Самой крупной была Таллинская организация РСДРП, подерживавшая связь с Петербургом.

Тартуская группа работала под руководством Рижского комитета РСДРП, но имела связи и с Петербургом, Таллином. Как уже указывалось, она состояла преимущественно из русской и эстонской революционно-демократической интеллигенции, студентов. Однако в группе не было единства. Часть членов придерживалась меньшевистских взглядов. Среди эстонских социал-демократов усилились федералистские тенденции, стремление к созданию своей самостоятельной партии. Это стремление наблюдалось не только среди интеллигенции Тартуской, но и других организаций, что было в значительной степени обусловлено реакционной руссификаторской политикой царизма. В результате длительной подготовки к осени 1905 г. произошел раскол; по инициативе П. Спеэка, Г. Аста, Л. Ибрус и др. была образована Эстонская социал-демократическая рабочая партия, центральным органом которой стала газета «Uudised». ЭСДРП по своему характеру была федералистской. Лидеры федерализма склонялись к национализму и оппортунизму, отрицая ленинские принципы демократического централизма, необходимость вооруженного восстания. Но многочисленные рядовые члены, многие представители революционно-демократической интеллигенции, рабочих, не уяснившие оппортунистических установок партийной верхушки, не совсем ясно понимавшие разницу между РСДРП и ЭСДРП, искренне боролись под лозунгами революционной социал-демократии, против самодержавия, остзейских баронов, капиталистической эксплуатации. Честно примкнули к борьбе писатель-реалист Эд. Вильде, Фр. Туглас и др.

Оставшиеся в организации РСДРП русские студенты (Н. Чудовский, А. Коварский, латыш Аболтин и др.) явились главными организаторами революционной борьбы демократического студенчества, мобилизовавшими силы на выполнение указаний ЦК РСДРП. В состав группы РСДРП входили и эстонские рабочие Лайус, Сыкутая.⁸¹

Несмотря на внутреннюю борьбу, тартуские революционные социал-демократы распространяли листовки и прокламации среди рабочих, студентов, солдат, крестьян окрестных уездов, призывавшие к продолжению борьбы с самодержавием. Осенью 1905 г. была организована своя типография, которая первоначально помещалась в здании студенческого общежития.⁸²

⁸¹ Из личных воспоминаний тов. Сыкутая, старого большевика.

⁸² «Proletaarne revolutsioon Eestis», Leningrad 1927, nr. 2/3, стр. 23.

После принятия III съездом РСДРП установки на подготовку вооруженного восстания и перед Тартуской группой была поставлена задача выяснения возможностей приобретения оружия; было предложено приступить к организации боевых дружин и сплочению сил революции.⁸³

Царизм делал судорожные попытки мобилизовать все силы для борьбы с революцией. Наряду с политикой репрессий царское правительство дало ничтожную подачку в виде булыгинского манифеста о созыве «законо»-совещательной государственной думы. Это было очередным маневром, направленным на раскол сил революции. Большевики поняли маневр царизма и объявили бойкот булыгинской думы.

В связи с приближением нового учебного года правительство решило пойти на уступки либеральной профессуре, чтобы получить в ее лице активного союзника в борьбе с революционным студенческим движением. Летом 1905 г. в Петербурге, под председательством министра народного просвещения Глазова состоялось два совещания, на которых обсуждалось положение в высших учебных заведениях. Совещания признали устав 1884 г. неудовлетворительным, усматривая в нем основную причину студенческих «беспорядков», и указали на необходимость выработки нового устава, как на условие возобновления занятий. Учебный год решено было начать с 1-го сентября 1905 г., еще до составления нового устава, который был обещан на основании автономии профессорской коллегии,⁸⁴ до этого же рекомендовалось руководствоваться временными правилами.

Заключения совещаний были одобрены царем, и 27 августа появилось правительственное сообщение о «Временных правилах об управлении высшими учебными заведениями Министерства народного просвещения»⁸⁵ (постоянно действовали до 1917 года).

Согласно новым правилам университетам предоставлялась автономия; профессорские советы получили право избрания ректора и проректора, деканов и секретарей факультетов, причем выборы предписывалось провести до начала занятий.⁸⁶ Однако избранные лица представлялись на утверждение попечителю и министру. На обязанность и ответственность совета возлагалось поддержание нормального хода занятий; для этой цели он мог избрать из своей среды специальную комиссию. В случае студенческих волнений совет мог ходатайствовать о приостановлении занятий. Таким образом, либеральная профессура получила долгожданную автономию, но вместе с тем на нее возлагались функции борьбы с революционным студенческим движением.

Ненавидистный институт инспекции не был устранен, хотя он подчинялся теперь ректору, а не высшей власти.

⁸³ Там же, стр. 27.

⁸⁴ ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 153, д. 141, л. 67.

⁸⁵ Правительственный Вестник, 28. VIII 1905, № 186.

⁸⁶ Там же.

«Временные правила» предоставляли студентам право собраний; этой уступкой правительство надеялось изолировать студенчество от революции, предполагая, что теперь, достигнув, наконец, автономии, студенты устремятся к наукам. Но эти расчеты не оправдались. Демократическое студенчество под руководством большевиков воспользовалось университетской реформой в интересах революции.

Характерно отметить, что некоторые либеральные газеты выразили свое недовольство ограниченностью (для профессоров) «временных правил».⁸⁷ Но происходивший 25—28 августа в Москве II съезд Академического союза в основном одобрил их и высказался за возобновление занятий с 1-го сентября. От Тартуского университета на съезде присутствовали проф. Дьяконов и Лавров.⁸⁸

Осенью 1905 г., когда революционный лагерь во главе с пролетариатом деятельно готовился к вооруженному восстанию, перед демократическим студенчеством со всей серьезностью встал вопрос о тактике дальнейшей борьбы. Продолжать ли начатую забастовку, приступать ли к занятиям, или применить новые формы борьбы?

Состоявшееся в августе 1905 г. совещание агентов ЦК РСДРП, работавших в России, решило рекомендовать студентам прекратить забастовку с 1-го сентября и не препятствовать академическим занятиям, превратить аудитории университетов и институтов в трибуны революции.⁸⁹ В сентябре ЦК РСДРП обратился к студенчеству с воззванием «Ко всей учащейся молодежи», в котором указывалось: «Вы используете аудитории и все те удобства, которые доставляют учебные заведения, чтобы совместно с пролетариатом немедленно же начать подготовку к вооруженному восстанию, этому единственному исходу русской революции. Широко агитировать идею восстания, знакомить товарищей с задачей и техникой уличной борьбы ... организовать боевые дружины, содействовать мобилизации пролетариата, — за все это должно немедленно приняться революционное студенчество, обратить залы университетов и институтов в штаб-квартиры своей революционной работы.»⁹⁰ ЦК призывал студенчество прекратить пассивную забастовку и перейти к мобилизации и организации сил для совместного выступления с пролетариатом.

Для согласования тактики студенческого движения в начале сентября состоялся в Выборге нелегальный съезд представителей студенческих организаций, на котором присутствовали делегаты от 23-х высших учебных заведений (за исключением Томска, Вла-

⁸⁷ «Наша Жизнь», 28. VIII 1905.

⁸⁸ Там же.

⁸⁹ П. Гусятников, Студенческое движение в 1905 году. «Вопросы истории», 1955, № 10, стр. 77.

⁹⁰ «Пролетарий», 10. X /27. IX/1905, № 20.

дивостока и Тарту). Съезд признал необходимым использовать высшие учебные заведения для революционной агитации в широких массах населения и приступить к созданию боевых дружин,⁹¹ т. е. признал тактические установки ЦК РСДРП.

В качестве предварительного мероприятия в каждом учебном заведении было намечено провести подготовительные собрания студентов для выяснения мнений о новой тактике активной борьбы, которые и состоялись в первых числах сентября: 7—9 сентября в Московском университете,⁹² 13 сентября в Петербургском университете,⁹³ а также в других городах. Всюду принимались последовательные резолюции.

В таких условиях предельного обострения политического положения в России начинался новый учебный год в Тартуском университете. Перед революционным студенчеством университета стояла задача определить свое отношение к тактике активной борьбы.

Студентам-большевикам приходилось проводить большую подготовительную работу среди студентов, так как в связи с опубликованием «временных правил» активизировалась деятельность профессуры, принимавшей все меры для отвлечения студентов от революционного движения.

Начало занятий было отложено, с разрешения министра, до 15 сентября. 6-го сентября состоялись выборы ректора; большинством 29 голосов против 25 ректором был избран профессор римского права Е. В. Пассек.⁹⁴ По своим политическим воззрениям он был либералом и активным деятелем кадетской партии. Из-за либеральных взглядов Пассека реакционные профессора отнеслись к нему с крайней недоброжелательностью и в течение всего периода ректорства находились к нему в оппозиции.

В обращении со студентами Пассек проявил немалую гибкость, ловкость и дипломатический такт, стремясь подчинить их влиянию либерального большинства совета. Всю свою энергию незаурядного организатора он направил на восстановление занятий и прекращение студенческой забастовки.

Вскоре после выбора ректора в составе совета была избрана специальная комиссия из 10 человек для выработки проекта мероприятий по восстановлению учебной работы в университете.⁹⁵ Фактически комиссия стала посредницей между советом и студентами. С одобрения ректора она охотно разрешала студенческие сходы по факультетам и курсам, пытаясь подсказать студентам направление принимаемых решений: немедленное возобновление занятий на основе «завоеванной» университетской автономии.

---

⁹¹ «Красный архив», 1936, № 1, стр. 197.

⁹² История Московского университета, т. 1, Москва 1955, стр. 520.

⁹³ «Вопросы истории», 1955, № 10, стр. 69.

⁹⁴ ЦГИА ЭССР, ф. 384, оп. I, 1905—1913, д. 1430, л. 20.

⁹⁵ ЦГИА ЭССР, ф. 402, оп. 4, 1901—1907, д. 1284, л. 142.

Начало занятий было отодвинуто до 27 сентября, так как предполагалось, что к этому времени совет успеет разработать свой проект мероприятий.

Активизировала деятельность и инспекция студентов. Инспектор Соколов приказал педелям особенно тщательно следить за студентами, но в то же время прислушиваться и к разговорам профессоров.⁹⁶

Все это затрудняло разъяснительную работу революционных социал-демократов, так как определенная часть студенчества стала проявлять признаки колебания.

Общая сходка студентов университета состоялась 20 и 22-го сентября; присутствовало около 1200 человек.⁹⁷ Корпоранты на собрание не явились, но прислали своих делегатов с 400 голосами за открытие университета для научных занятий; однако собрание постановило не считаться с их мнениями и голосами.⁹⁸ В состав руководства сходкой были избраны студенты Л. Ильинский, Самбикин, Диалектов и Весвятский.

Принятая 22-го сентября резолюция сходки в основном исходила из большевистских требований изменения тактики студенческой борьбы. В ней отмечалось: «Не доверяя каким бы то ни было реформам самодержавного правительства, мы держимся твердых убеждений, что только представительный образ правления на принципе народовластия... может вывести страну из нынешнего невыносимо-тягостного положения и что этот демократический строй может быть создан только лишь путём созыва Всенародного Учредительного Собрания.»⁹⁹ Далее указывалось, что студенты оставляют за собой свободу действий и постановляют открыть университет. «Открывая университет, мы, наряду с обычными академическими занятиями, решаем устраивать в университете митинги, сходки, собрания в целях нашей большей организованности и подготовки к активному выступлению на арену борьбы».¹⁰⁰ Кроме того собрание предложило совету принять обратно всех исключенных товарищей, пострадавших за свои политические убеждения.

25 сентября подобная же резолюция была принята студентами ветеринарного института.¹⁰¹

Таким образом, тартуское демократическое студенчество высказало свое отрицательное отношение к обещаемым реформам и продолжало в активную борьбу против самодержавия. В целях мобилизации сил революции университет был открыт для массо-

⁹⁶ ЦГИА ЭССР, ф. 492, оп. I, 1909—1910, д. 12, л. 396.

⁹⁷ Революция 1905—1907 гг. в Эстонии, Таллин 1955, стр. 194.

⁹⁸ Там же.

⁹⁹ ЦГИА ЭССР, ф. 492, оп. I, 1909—1910, д. 17, л. 97.

¹⁰⁰ ЦГИА ЭССР, ф. 325, оп. I, 1905, д. 1235, л. 341.

¹⁰¹ Там же, л. 346—347.

вых народных собраний, митингов, для подготовки вооруженного восстания.

В связи с изменением тактики встал вопрос и о создании организуемого центра студенческого движения. Как уже указывалось выше, землячества стали непригодными в период обострения классовой борьбы. По предложению социал-демократической группы на сходке 22-го сентября решено было создать новый орган — Делегатское собрание. Делегатское собрание создавалось для организации общестуденческих собраний и осуществления их постановлений, для сношения с советом профессоров и со студенческими организациями других высших учебных заведений.¹⁰² Члены его избирались тайным голосованием на факультетских собраниях, по одному делегату на 100 человек, сроком на семестр. Судя по количеству студентов на факультетах, собрание состояло из 19—24 человек. Для нужд Делегатского собрания каждый студент облагался сбором в 10 копеек в семестр. Данных для установления личного состава избранного органа очень мало, но характер его деятельности позволяет заключить, что в нем преобладали революционно настроенные студенты. Председателем Делегатского собрания был избран Н. Самбикин.

Принятие резолюции от 22-го сентября и образование Делегатского собрания означало новый этап в студенческом движении Тартуского университета. Радикальное студенчество отказалось от пассивной забастовки и предложений академистов использовать университет лишь в академических целях. Тем самым оно примкнуло к радикальному студенчеству Петербурга и Москвы, являвшемуся авангардом демократических сил, гнушавшихся подлостью реформистов и тяготевших к настоящей решительной борьбе с проклятым врагом русского народа, а не к маклерству с самодержавием.¹⁰³

б) Революционная борьба тартуского студенчества осенью 1905 года.

Осенью 1905 г. революционное движение распространилось на всю страну. Главным средством политического воспитания масс были стачки. Стачки становились все более организованными и массовыми, перерастали из экономических в политические, доходили до уличных демонстраций и столкновений.

В октябре 1905 г., по почину железнодорожников, началась всероссийская политическая стачка, охватившая все основные промышленные центры страны и проходившая под лозунгами: «Долой самодержавие! Да здравствует демократическая республика!»

«Всероссийская политическая стачка охватила на этот раз действительно всю страну, — писал В. И. Ленин,

¹⁰² ЦГИА ЭССР, ф. 429, оп. 1, 1909—1910, 17, л. 97.

¹⁰³ В. И. Ленин, Соч., т. 9, стр. 324.

— объединив в геройском подъеме самого угнетенного и самого передового класса все народы проклятой империи Российской.»¹⁰⁴ Число участников октябрьской политической стачки превысило два миллиона человек. Одним из отрядов массовой политической стачки был эстонский пролетариат. 13 октября начали забастовку рабочие Балтийской железной дороги. На следующий день к ним присоединились рабочие Таллина, затем и других городов.¹⁰⁵

Начавшаяся всеобщая стачка насмерть перепугала царское правительство, парализовав все его силы и расстроив экономическую жизнь страны. Под натиском масс оно издало 17 октября манифест, лицемерно обещавший народу гражданские свободы, законодательную думу (бульгинская дума была сметена ходом революции). Пролетариат завоевал себе и всему народу, хотя и на короткое время, невиданную прежде в России свободу слова, печати, профессиональных союзов. Стали легально выходить революционные газеты.

Октябрьская всеобщая политическая стачка сыграла огромную роль в усилении революционного движения в стране. Но вместе с тем она наглядно показала, что всеобщая стачка не является высшей формой классовой борьбы; этой высшей формой могло быть только вооруженное восстание.

В условиях всеобщего народного восстания бурным ключом была жизнь в высших учебных заведениях страны. Открытые университеты, происходившие в них сходки сыграли важную роль в расширении стачечной борьбы. В. И. Ленин отмечал, что «... на студенческие сходки повалили рабочие. Стали получаться революционные народные митинги, на которых преобладал передовой класс в борьбе за свободу — пролетариат.»¹⁰⁶

Помещения Тартуского университета стали также местом проведения многолюдных сходок и митингов. Занятия официально начались 27 сентября, но на них явились, главным образом, корпоранты и «академисты». Наиболее активная часть студентов в тот же день устроила совместную сходку со студентами ветеринарного института для обсуждения политического положения в стране.¹⁰⁷ После окончания сходки около 200 человек вышли на улицу и с пением революционных песен направились к центру города. Но на них набросились полицейские с оголенными саблями и стали зверски разгонять демонстрацию, причем несколько человек были ранены и 15 арестованы; среди последних 2 студента университета: И. Бахтиаров и В. Петрушевский.¹⁰⁸ У арестован-

¹⁰⁴ В. И. Ленин, Соч., т. 9, стр. 362.

¹⁰⁵ Г. И. Мосберг, Революция 1905—1907 гг. в Эстонии. Сборник: «Революция 1905—1907 гг. в национальных районах России», М. 1955, стр. 378.

¹⁰⁶ В. И. Ленин, Соч., т. 9, стр. 347.

¹⁰⁷ ЦГИА ЭССР, ф. 325, 1905—1906, д. 1325, л. 353.

¹⁰⁸ Там же.

ных были обнаружены 5 прокламаций и несколько рукописных листов революционного содержания.

Насилие полиции вызвало огромное возмущение не только среди студентов, но и рабочих. В ночь на 28 сентября, по инициативе Тартуской группы РСДРП, состоялось нелегальное собрание с целью организации боевой дружины для охраны демонстраций и митингов. На собрании присутствовали студенты Аболтин, Лиознер, Чудовский, двое эстонских рабочих, один из учащихся гимназии Трефнера. Было решено немедленно организовать вооруженный отряд из 25—30 человек; рабочие обещали выставить 20 человек.¹⁰⁹ Разработка инструкции для отряда была поручена Аболтину, Чудовскому и одному из рабочих. Таким образом тартуские студенты приступили к организации боевых дружин.

29 сентября в актовом зале университета происходил многоялюдный митинг протеста. Студенты постановили объявить забастовку впредь до освобождения арестованных товарищей.¹¹⁰ Характерно отметить, что было решено обратиться за поддержкой к студентам института и рабочим. Так под руководством организации РСДРП стало укрепляться боевое содружество между студентами и рабочими; с этого дня революционные студенты широко открыли двери Тартуского университета для народа, практически выполняя указание ЦК РСДРП.

Вечером, после митинга, состоялась грандиозная политическая демонстрация. Студенты, рабочие, учащиеся средних школ с пением революционных песен, с призывом «Долой самодержавие!», «Дадим отпор полиции!» двинулись к площади Большого рынка (Ратушной площади). Студент Аболтин шел впереди и нес красное знамя. Демонстрацию охраняла боевая дружина из 50 человек, отразившая первый натиск полиции у университета.¹¹¹ На Ратушной площади произошло новое столкновение между полицией и дружиной, причем Чудовский ранил одного полицейского. Демонстранты разошлись, однако полиция арестовала 18 человек, из них 17 студентов университета (Коварского, Линквиста, Капланского и др.) и одного ветеринара — Чудовского.¹¹² В ночь на 29 и 30 сентября полиция производила обыски на квартирах арестованных, обнаружив в них ряд революционного характера прокламаций и воззваний на русском и эстонском языках; у студента А. Николаева были найдены записки с описанием сходов для отправки их в Петербург.¹¹³

Массы студенчества выражали гневное возмущение по поводу ареста товарищей. Агитаторы направились на предприятия к

---

¹⁰⁹ 1905. aasta Eestis, Leningrad 1926, стр. 135.

¹¹⁰ ЦГИА ЭССР, ф. 384, оп. 1, 1905, д. 1433, л. 75—79.

¹¹¹ 1905. aasta Eestis, Leningrad 1926, стр. 136.

¹¹² Революция 1905—1907 гг. в Эстонии, Таллин 1955, стр. 196; ЦГИА ЭССР, ф. 296, оп. 1, 1905, д. 44, л. 57.

¹¹³ Там же.

рабочим, последние обещали поддержать требования студентов. Только корпоранты поспешили заявить о своем полном удовлетворении действиями полиции.¹¹⁴

Одновременно устанавливались связи с другими университетами страны. Так, на сходке в актовом зале 3 октября присутствовал студент Петербургского университета, который читал реферат о булыгинской думе, резко критиковал положение о думе и особенно порядок выборов в нее.¹¹⁵ Он доказывал, что дума не может стать действительным народным представительством, а поэтому участие в выборах явится предательством революции.

Из Петербурга приезжал и бывший студент Тартуского университета Э. Сырмус, активный участник революционного движения.¹¹⁶

Рост студенческого движения, его влияние на рабочих напугали полицию и университетскую администрацию. «Настроение студентов крайне тревожное после проведенных арестов...», доносил Юрьевский полицеймейстер.¹¹⁷ Напуганный университетский совет срочно ходатайствовал перед попечителем и губернатором об освобождении задержанных студентов, чтобы воспрепятствовать выходу «возбужденной толпы» на улицу.¹¹⁸ Губернатор был вынужден пойти на уступку и 3 октября арестованных освободили, за исключением Чудовского, стрелявшего в городского, и Капланского, у которого полиция обнаружила революционные воззвания.¹¹⁹ Вскоре, однако, последовало распоряжение, запрещавшее печатать в газетах, без разрешения полицеймейстера, сведения о студенческом движении.¹²⁰ Губернские власти надеялись таким образом ослабить влияние революционных студентов на население.

Студенческие сходки и уличные демонстрации в конце сентября и начале октября имели большое значение. На них большевики пропагандировали идеи всеобщей стачки и вооруженного восстания; возрастал их авторитет, росли ряды революционной социал-демократии.

Исходя из указаний III съезда РСДРП о необходимости усиления политической пропаганды среди молодежи, в университете было образовано студенческое общество «Пролетарий».¹²¹ Общество ставило своей целью совместное изучение социал-демократической теории и подготовку к партийной работе путём систематического реферирования, дискуссий, коллективного чтения

¹¹⁴ «Nordlivländische Zeitung», 4. X 1905.

¹¹⁵ Революция 1905—1907 гг. в Эстонии, Таллин 1955, стр. 296.

¹¹⁶ «Klassivõitlus», Petrograd 1919, № 5/6, стр. 15—16.

¹¹⁷ ЦГИА ЭССР, ф. 296, оп. 1, 1905, д. 44, л. 57.

¹¹⁸ Там же, ф. 384, оп. 1, 1905, д. 1433, л. 88.

¹¹⁹ Там же, ф. 429, оп. 1, 1909—1910, д. 14, л. 481.

¹²⁰ Там же, ф. 321, оп. 1, 1905, д. 162, л. 57.

¹²¹ Там же, ф. 429, оп. 1909—1910, д. 17, л. 97—98.

литературы. Предусматривалось тесное общение с группой РСДРП. Одним из активных членов общества был студент Самбикин.

Открыв университет для народа, революционное студенчество готовило рабочих, ремесленников, учащихся средних школ к массовому выступлению.¹²² Судя по воспоминаниям современников, была организована группа пропагандистов для руководства рабочими кружками.¹²³ Таким образом, известия о начавшейся 12 октября стачке железнодорожников в России и перерастании её во всеобщую нашли в Тарту подготовленную почву и мобилизовали сразу же все демократические силы. Организующим центром забастовочного движения в городе стал университет.

Говоря об активизации демократического студенчества, об укреплении связей с рабочими, нельзя, однако, забывать, что реакционная часть студентов — главным образом, корпоранты — не оставалась пассивным созерцателем событий. Корпоранты игнорировали постановления Делегатского собрания, общих собраний, открыто клеветали на русских студентов, являвшихся, по их мнению, смертью для научного и академического духа университета.¹²⁴ В эти дни в Тарту реакционные круги населения стали создавать так называемую «дружину самопомощи», вооруженную черносотенную организацию для борьбы с революцией. Организатором дружины был немецкий адвокат Фольк. Ежедневно по вечерам происходило военное обучение дружинников. Оружие для них закупалось в Риге.¹²⁵ Корпоранты создали свою «вооруженную охрану», начальником которой был барон Фрейтаг-Лорингофен, приват-доцент Петербургского университета, готовившийся к сдаче магистерского экзамена в Тарту.¹²⁶ Обе черносотенные организации были в тесном сотрудничестве с полицией.

Внешним толчком, ускорившим присоединение студентов к всеобщей забастовке, явился царский указ от 12 октября 1905 г. о введении особого правила о публичных собраниях. Категорически воспрещалось проведение собраний и митингов в стенах высших учебных заведений с участием посторонних лиц. Советам вменялось в обязанность, в случае нарушения царского указа, немедленно вызывать полицию и ходатайствовать о закрытии учебного заведения.¹²⁷ Было ясно, что правительство стремилось запретить рабочим доступ на студенческие собрания.

¹²² Литературный музей АН ЭССР, ф. 172, М. 24, л. 2—3.

¹²³ F. Kull, *Mäsumehi ja boheemlasi*, Tallinn 1933, стр. 9—10; ЦГИА ЭССР, ф. 321, оп. 1, 1905, д. 162, л. 68.

¹²⁴ «Nordlivländische Zeitung», 15. X 1905, № 231; см. «Baltische Monatschrift», Riga 1905, т. 50, стр. 201.

¹²⁵ ЦГИА ЭССР, ф. 296, оп. А-50, 1905, д. 10-IV, л. 59

¹²⁶ ЦГИА ЭССР, ф. 429, оп. 1, 1909—1910, д. 16, л. 1014. Барон Фрейтаг-Лорингофен позднее стал предателем. В 1918 г. был дипломатическим советником кайзера Вильгельма II.

¹²⁷ ЦГИА ЭССР, ф. 384, оп. 1905, д. 1433, л. л. 103, 104.

Для выражения своего возмущения Делегатское собрание созвало 14 октября многочленную сходку (с участием более 1100 студентов). В принятой резолюции было сказано: «Мы, Тартуские студенты, считаем, что ввиду событий последнего времени учебные занятия в университете — это измена народному делу, а потому постановляем: прекратить эти занятия впредь до созыва всенародного Учредительного собрания и заявляем, что во все время пребывания в Тарту мы будем пользоваться университетским зданием для содействия революции, а разъехавшись по домам, будем принимать активное участие в борьбе в рядах пролетариата и крестьянства.»¹²⁸ За резолюцию голосовали 905, против — 159 и воздержались 43 студента.¹²⁹ Таким образом, подавляющее большинство сходки приняло большевистскую резолюцию. Студенчество университета, в лице своей лучшей части, примкнуло к начавшейся всеобщей политической забастовке в России и определило свое место рядом с пролетариатом и крестьянством, а в ответ на правительственный окрик решило оставить университет открытым для проведения народных политических митингов и собраний. На следующий день такое же решение внесли и студенты ветеринарного института.¹³⁰

Объявив политическую забастовку, революционные студенты начали активную борьбу за её распространение на весь город. На предприятия, в мастерские, школы направились агитаторы. В университете, несмотря на его закрытие ректором 15 октября, начались непрерывные массовые митинги, где ораторами выступали в основном студенты, правда, различных политических убеждений: большевики, меньшевики, федералисты, эсеро-анархистские элементы. Открытые диспуты, происходившие по важнейшим вопросам революционной тактики, помогали массе студенчества, рабочим, учащимся, демократической интеллигенции уяснить правильность большевистских лозунгов. Университет превратился в школу революционного воспитания масс.

По инициативе Тартуской группы РСДРП, студентов социал-демократов 16 октября в университете была созвана общегородская сходка, на которой произносились революционные речи на эстонском и русском языках, кончавшиеся призывом: «Долой самодержавие!» Из окон главного здания были вывешены красные флаги и лозунги, в актовом зале стали срывать царские портреты, как символ политического насилия. На сходке постановили начать всеобщую забастовку,¹³¹ а для мобилизации рабочих провести на следующий день митинг в университете.

Полицейское управление, штаб гарнизона предприняли все меры, чтобы приостановить развитие революционного движения,

¹²⁸ ЦГИА ЭССР, ф. 492, оп. 1, 1909—1910, д. 16, л. 905—906.

¹²⁹ Там же.

¹³⁰ Революция 1905—1907 гг. в Эстонии, Таллин 1955, стр. 270—271.

¹³¹ Там же, стр. 271.

но безуспешно. 17-го октября в Тарту началась всеобщая забастовка.¹³² Приостановилась работа на промышленных предприятиях, в мастерских, в торговых заведениях. Прекратили занятия воспитанники учительской семинарии и средних школ. Большая группа рабочих и студентов заставила прекратить работу даже в воинском присутствии, где в это время происходил прием новобранцев.¹³³

В университете происходил многолюдный митинг. Ораторы сменяли один другого, раздавались гневные обвинения по адресу самодержавия, совершившего очередное кровопролитие в Таллине, призывы к вооруженному выступлению. Боевые лозунги «Долой самодержавие!», «Да здравствует Учредительное собрание!» сменялись революционными песнями. Полицейские и воинские власти, опасавшиеся вооруженного сопротивления, не осмеливались на разгон митинга. «Наличность политического митинга нежелательна, но еще нежелательнее беспорядки в городе с насилеием», — советовал начальник гарнизона полицеймейстеру.¹³⁴

Вечером многочисленная мирная толпа собралась у коннопочтовой станции (на углу ул. Рийа и Выру, где сейчас находится главное здание Эстонской сельскохозяйственной академии), требуя прекращения работы телефонной сети, чтобы прервать связь между городом и уездом и тем самым помешать высылке воинских частей на подавление крестьянских волнений. Кому-то удалось пробраться в здание и перерезать телефонные провода. Охранявшие станцию солдаты 95-го пехотного Красноярского полка открыли огонь по народу. Как рассказывают очевидцы, стреляли и члены «дружины самозащиты» во главе с Фольком.¹³⁵ Несколько человек были ранены, один убит (сторож реального училища Адамсон). Так и в Тарту пролилась народная кровь, обогрившая улицы старого университетского города. И это произошло в день, когда в Петербурге был опубликован царский манифест, лицемерно провозглашавший «незыблемость» основ гражданской свободы, обещающий созыв новой думы и явившийся лозушкой для народа.¹³⁶

События 17 октября резко противопоставили друг против друга лагери революции и контрреволюции.

В ночь на 18 октября на заседании Тартуской группы РСДРП (в помещении «Общества студентов-медиков») решено было бороться за продолжение забастовки, организовать общегородскую демонстрацию протеста, усилить агитацию среди солдат. Для работы с солдатами выделили студентов Н. Рыболовского и А. Ча-

---

¹³² Революция 1905—1907 гг. в Эстонии, Таллин 1955, стр. 274—275; «Uudised», 22. X (4. XI) 1905, № 81.

¹³³ Там же.

¹³⁴ ЦГИА ЭССР, ф. 429, оп. 1, 1909—1910, д. 14, л. 482.

¹³⁵ Революция 1905—1907 гг. в Эстонии, Таллин 1955, ст. 276—277;

¹³⁶ В. И. Ленин, Соч., т. 9, стр. 406.

пурского.¹³⁷ Был поставлен вопрос о приобретении оружия, так как враг уже выступил с оружием в руках. Была составлена листовка «К новобранцам», призывавшая к борьбе с самодержавием путем вооруженного восстания.¹³⁸

Одновременно у начальника гарнизона состоялось экстренное заседание с участием полицеймейстера, главы городской управы, ректора университета и редактора газеты «Postimees». Решено было предупредить население города под страхом принятия «энергичных мер усмирения» не собираться на митинги и сходки, усилить караулы и выставить военную и полицейскую охрану. Начальник гарнизона взял на себя охрану «порядка» в городе.¹³⁹ Но все это не смогло остановить революционного движения.

18 октября в университете целый день происходили митинги. Здесь собрались люди всех профессий: студенты, рабочие, железнодорожники, ремесленники, учащиеся средних школ. Выступавшие ораторы говорили о самоотверженной борьбе российского пролетариата, призывали к немедленному приобретению оружия. «Этот белый дворец, с фасада которого еще . . . до 17 октября висели красные флаги, представлял из себя революционную крепость, — писал один из современников событий. — И казалось, что голос студенческого трибуна Самбикина звучал сквозь стены. Там революция уже полностью стала легализоваться.»¹⁴⁰

Сообщение о царском манифесте, полученное в Тарту 18-го октября, не смогло обмануть революционное студенчество. Большое количество студентов и рабочих с революционными лозунгами «Долой самодержавие! Да здравствует Интернационал! Да здравствует революция!» направилось к тюрьме и потребовало освобождения политических заключенных.¹⁴¹ Прокурор и полицеймейстер вынуждены были освободить всех политических заключенных. Среди освобожденных был и студент-революционер Н. Чудовский.¹⁴² Товарищи пронесли его на руках с пением «Марсельезы» через город к ветеринарному институту, где состоялся митинг. В то же самое время часть демонстрантов направилась к оружейному складу при уездном воинском управлении с целью захвата оружия, но начальник был предупрежден и усилил охрану склада целой ротой солдат. Студенты выражали свое негодование перед домом реакционного профессора Граве, а также у дома Фолька и др.¹⁴³ Чапурский, Каплинский и Гемп проникли к

¹³⁷ ЦГИА ЭССР, ф. 3742, оп. 1, 1905, д. 1, л. 32.

¹³⁸ Революция 1905—1907 гг. в Эстонии, Таллин 1955, стр. 272.

¹³⁹ Там же, стр. 276.

¹⁴⁰ Fg. Tuuglas, Noorusmälestused, Tartu 1940, стр. 198.

¹⁴¹ ЦГИАМ, ф. МЮ, 1905, д. 2096, л. 9—10; Революция 1905—1907 гг. в Эстонии, Таллин 1955, стр. 296.

¹⁴² ЦГИА ЭССР, ф. 492, оп. 1, 1909—1910, д. 16, л. 1005.

¹⁷ X 1905 г. Министерство внутренних дел признало необходимым передать дело Чудовского на рассмотрение военного трибунала для осуждения его по законам военного времени (ЦГИАМ, ф. МЮ, 1905, д. 2096, л. 6).

¹⁴³ ЦГИА ЭССР, ф. 492, оп. 1, 1909—1910, д. 15, л. 779; д. 13, л. 224.

солдатам Красноярского полка и убеждали их не слушаться офицеров и не стрелять в народ.¹⁴⁴

К демонстрантам примкнули и учащиеся средних школ, выразившие свою солидарность с революционным народом.

Вечером в помещениях университета вновь происходили бурные многолюдные митинги. Выступавшие ораторы разоблачали лживую сущность царского манифеста.¹⁴⁵ Большое количество студентов собралось в университетском парке на Домберге. Самбкин предложил им совершить нападение на канцелярию жандармского управления, чтобы уничтожить имевшиеся там полицейские документы о студентах.¹⁴⁶ Но в результате отсутствия единомышлящих это мероприятие не состоялось.

В студенческом общежитии печаталась возвания, призывавшие к продолжению борьбы.¹⁴⁷ В «Обществе студентов-медиков» разрабатывался план похорон Адамсона с целью превратить их в политическую демонстрацию.

19 октября продолжались массовые демонстрации и митинги. Перед университетом был вывешен красный лозунг с текстом: «Слава павшим, смерть палачам!»¹⁴⁸ Рано утром студенты сбросили с фронтона университета царский герб. Затем по их примеру двуглавные орлы были сняты во всех учреждениях города. Перед зданием съезда мировых судей собралось около 500—600 человек, в том числе много студентов; они потребовали прекращения заседания суда, снятия царских портретов и «... чтобы дела, решенные вчера и сегодня, в дни народных бедствий (разрядка моя — Л. Э.) были задержаны...»¹⁴⁹ Все эти требования были выполнены. Характерно отметить, что в то время, когда либеральная буржуазная захлёбывалась от восторженных похвал по адресу правительства, революционный народ воспринял даруемые «свободы» как народное бедствие. Так быстро росла политическая сознательность народа в октябрьские дни, что явилось результатом успешного наступления революции и неустанной работы революционных социал-демократов.

В актовом зале по предложению Самбкина производился сбор денег для организации похорон. В аудиториях главного здания целый день разучивались революционные песни «Марсельеза», «Вы жертвою пали...» и др.¹⁵⁰

Похороны Адамсона 20 октября действительно превратились в серьезную политическую демонстрацию студентов, рабочих, де-

---

¹⁴⁴ «Proletaarne revolutsioon Eestis», Leningrad 1931, № 11, стр. 28.

¹⁴⁵ «Uudised», 22. X (4. XI) 1905, № 81.

¹⁴⁶ Революция 1905—1907 гг. в Эстонии, Таллин 1955, стр. 227.

¹⁴⁷ 1905. aasta Eestis, Leningrad 1926, стр. 139.

¹⁴⁸ ЦГИА ЭССР, ф. 492, оп. 1, 1909—1910, д. 16, л. 246.

¹⁴⁹ Там же, л. 245; д. 17, л. 717.

¹⁵⁰ Там же, д. 14, л. 717; из личных воспоминаний тов. Сыкутая.

мократической интеллигенции Тарту. За гробом шла многотысячная колонна студентов, рабочих, ремесленников и др.; они несли красные и траурные флаги, лозунги с текстом: «Долой самодержавие!», «Жертве произвола и царизма», большое количество венков.¹⁵¹ Впереди колонны оркестр все время играл похоронный марш. На кладбище звучали призывы к вооруженному выступлению против царизма.

После похорон все флаги и лозунги (всего 14) были принесены в актовом зал, где они оставались около 2-х недель, пока продолжались народные собрания.

На многолюдной сходке вечером 20 октября в университете обсуждался вопрос о продолжении стачки. Вследствие тяжелого материального положения рабочие решили закончить забастовку, но продолжать организацию и сплочение сил. Начиная с 21 октября рабочие постепенно стали приступать к работе.¹⁵²

Студенты же продолжали борьбу, и университет оставался открытым для народа. Университетская администрация не осмелилась закрыть дверей, опасаясь взрыва всеобщего возмущения. В актовом зале по-прежнему происходили митинги и собрания. Так, 21 октября состоялась сходка железнодорожников, 22 октября — сходка фармацевтов, учащихся реального училища и др.¹⁵³ Занятия в университете в осеннем семестре больше не возобновлялись.

Какую же позицию заняло «Общество эстонских студентов»? Являясь сторонником националистической идеологии эстонской буржуазии, значительная часть членов общества враждебно относилась к студенческому движению, но вначале внешне пыталась обособиться от него. Например, когда 29 сентября в актовом зале происходил массовой митинг протеста, общество проводило научное заседание.¹⁵⁴ В ответ на приглашение эстонских студентов Петербурга принять участие в общем митинге петербургских эстонских студентов последовал отказ.¹⁵⁵ Однако по мере быстрого подъема революционного движения в известной мере активизировалась и деятельность «Общества эстонских студентов». Более частыми стали собрания общества, на них стали обсуждаться текущие политические вопросы, большей частью националистического характера. Выдвигалась идея проведения общего собрания всех эстонских студентов,¹⁵⁶ чтобы изолировать их от революционных русских студентов. Кандидатами в члены общества было решено принимать женщин,¹⁵⁷ главным образом воспитанниц женской гимназии, чтобы отвлечь их от «Общества рус-

¹⁵¹ 1905. aasta Eestis, Leningrad 1926, стр. 139.

¹⁵² Революция 1905—1907 гг. в Эстонии, Таллин 1955, стр. 278.

¹⁵³ «Postimees», 24. X 1905; «Uudised», 28. X (10. XI) 1905, № 83.

¹⁵⁴ ЦГИА ЭССР, ф. 1767, оп. 1, 1905—1907, д. 31, л. 14—19.

¹⁵⁵ Там же, л. 25.

¹⁵⁶ Там же, л. л. 26, 31.

¹⁵⁷ Там же, л. 34.

ских студентов». Высказывалось предложение усилить лекционную пропаганду в местных обществах; была создана даже специальная комиссия по подготовке лекторов, которые должны были агитировать в пользу царской «конституции»,¹⁵⁸ а также отравлять буржуазно-националистической идеологией менее сознательные слои населения.

Когда редактор газеты «Postimees», в противовес революционным митингам, созвал 18 октября в помещении Эстонского земледельческого общества «народное» собрание буржуазных активистов, то там присутствовали и члены «Общества эстонских студентов».¹⁵⁹ После того как было получено из Петербурга сообщение о манифесте, собрание превратилось в восторженное выражение верноподданнических чувств правительству. Тыниссон патетически заявил, что в России теперь самодержавие уже пало, народу дана демократическая конституция, врагами которой являются забастовщики.¹⁶⁰ Тартуская буржуазия поспешила дезориентировать народ, увлечь его за собой. С этой целью на следующий день была организована «демонстрация» для «благословения молодой свободы».¹⁶¹ Члены «Общества эстонских студентов» вышли со своим знаменем.

«Демонстранты» намеревались пройти к университету и устроить там «патриотический» митинг, но революционные студенты расстроили планы буржуазных манифестантов и не пропустили их в помещения университета. «Общество эстонских студентов» заявило протест против их действий и потребовало обсуждения вопроса на общем собрании в актовом зале, которое и состоялось 22 октября. Тыниссон выступил на собрании с резкими нападками против русских студентов, как наиболее активной силы революционного движения в Тарту, стремясь вызвать среди эстонцев неприязнь к ним. Но это ему не удалось; его выступление было освистано.¹⁶² Поведение эстонской буржуазии показывает, что после объявления манифеста она, подобно русской буржуазии, перешла в открытое наступление против революции, вступила даже в переговоры с немецкой «дружиной самозащиты».¹⁶³

Мощное народное движение парализовало лагерь реакции. Испугались революционного народа «самозащитники». Адвокат Фольк превратил свой дом в настоящую крепость, срочно потребовал себе военную охрану. Но страх не покидал его: он бежал в помещение корпорации «Ливония», за толстыми стенами кото-

¹⁵⁸ Там же, л. 40.

¹⁵⁹ «Postimees», 22. X 1905, № 231.

¹⁶⁰ «Proletaarne revolutsioon Eestis» Leningrad 1931, № 11, стр. 30.

¹⁶¹ Punased aastad, Tartu 1932, стр. 97.

¹⁶² „Proletaarne revolutsioon Eestis“, L-d 1931, № 11, стр. 3. Более трех десятков лет спустя бывший лидер федералистов П. Слеэк, находясь в эмиграции, просил у Тыниссона извинения за такой «нетактичный» поступок. См. Jaan Tõnisson töös ja tegevuses, Tartu 1938, стр. 325.

¹⁶³ ЦГИА ЭССР, ф. 296, оп. А-50, 1905, д. Д-10-III, л. 58.

рого укрылись корпоранты. Большая часть из них имела огнестрельное оружие; всюду была выставлена вооруженная охрана. «Чего только ни делает страх! Страх перед этим «большим ядром», которое вдруг заговорило! Страх перед связанным исполнимом, срывающим с себя цепи, — саркастически иронизировал писатель-реалист Эд. Вильде. — Страдающие цветной болезнью среди наших студентов живут несколько дней за запертыми дверями. К дверям придвинуты комоды, шкафы, столы, стулья. У окон поставлены сторожа с револьверами и рапирами в руках, сами же они трясутся и дрожат, шепотом совещаются о приближении последнего часа...»¹⁶⁴

Гражданские и военные власти были бессильны воспрепятствовать устройству митингов, собраний и демонстраций.

Но с прекращением общей забастовки проходила паника и враги переходили в наступление. Уже с 21 октября в городе стала вводиться военная охрана. Полицейские получили указание «стрелять при малейшем насилии» (под «насилием» подразумевалось снятие царских портретов и государственных гербов).¹⁶⁵

В ответ на это Тартуская группа РСДРП сразу же обратилась к рабочим с призывом к вооруженному восстанию: «Товарищи рабочие! Наступили великие времена, народ требует прав... Голыми руками стены не сломить... Поэтому, рабочие, оружие в руки! Вставайте на борьбу! Врывайтесь в склады и оружейные магазины, добывайте себе силой оружие... Да здравствует вооруженное восстание!»¹⁶⁶

С гневным протестом против введения военной охраны выступило демократическое студенчество. По инициативе Делегатского собрания 26 октября была созвана общестуденческая сходка. Выступавшие на сходке революционные социал-демократы разъясняли, что действия тартуских военных властей наглядно свидетельствуют о подлинном характере царских обещаний, данных в манифесте. На словах обещаны свободы, а на деле использование даруемых «свобод» рассматривается как насилие и для «защиты» их вводится военная охрана.¹⁶⁷ На сходке была принята резолюция следующего содержания: «Тартуское студенчество, стоящее на пролетарской точке зрения и выдвинувшее своим лозунгом борьбу за свободу, не может иначе как с чувством глубокого негодования отнестись к введению в Тарту военной охраны. Охрана порядка войсками, под эгидой которой стоит черная сотня, ясно показывает, что политика правительства остается политикой самодержавия... Но мы, как граждане, требуем немедленной отмены положения о военной охране... и заявляем, что по отношению к народившейся черной сотне, подстрекаемой по-

¹⁶⁴ Эд. Vilde, Punased päevad. «Uudised», 4. (17.) XI 1905, № 85.

¹⁶⁵ ЦГИА ЭССР, ф. 325, оп. 1, 1905—1906, д. 1235, л. 446—447.

¹⁶⁶ Революция 1905—1907 гг. в Эстонии, Таллин 1955, стр. 273—274.

¹⁶⁷ ЦГИА ЭССР, ф. 325, оп. 1, 1905—1906, д. 1235, л. 464.

лицей, мы можем следовать только одному лозунгу: «Свобода и с оружием борьба за неё!»¹⁶⁸ Резолюция призывала студентов не ослаблять борьбы и указывала на необходимость вооруженной борьбы с царизмом.

За подписями студентов Самбикина, Ильинского и Чарновского один экземпляр резолюции был направлен в городскую думу.

Дружное выступление рабочих и студентов возымело действие: 28 октября военная охрана в городе была снята.¹⁶⁹ Конечно, это была временная уступка, вырванная у реакции, но она была сделана под воздействием огромной лавины народного движения, развернувшегося в период всеобщей стачки.

Заявление студенческого протеста 26 октября явилось последним крупным выступлением демократического студенчества университета осенью 1905 года. В связи с закрытием университета иногородним студентам стали выдавать проездные свидетельства для выезда из Тарту.¹⁷⁰ Администрация университета и полиция поспешили воспользоваться этой мерой, чтобы избавиться от наиболее «беспокойных» элементов в городе.

Период подготовки и проведения всероссийской политической стачки явился высшим подъемом в революционной борьбе тартуского студенчества в революции 1905—1907 гг. Именно в этот период проявилась наибольшая революционная активность студентов. Лучшая часть молодежи в лице революционных социал-демократов повела за собой большинство студентов, изолировав их от опоры реакции — корпорантов; они открыли университет для народа, превратив его в центр мобилизации сил революции для борьбы с царским самодержавием. Открытый университет был настоящей школой политического воспитания трудящихся города, ускорив их включение во всеобщую забастовку. По заданию Тартуской группы РСДРП студенты проводили большую агитационную работу среди рабочих; установилась взаимная связь между демократическим студенчеством университета и рабочими. Они совместно штурмовали ненавистное самодержавие и боролись за установление демократической республики.

б) Борьба профессорско-преподавательского состава против студенческого движения.

Характеризуя позицию либеральной буржуазии осенью 1905 г., В. И. Ленин отмечал, что она в упоении зовет к участию в выборах в думу¹⁷¹, чтобы добиться этим постепенного замирения, успокоения, ослабления борьбы. Постепенно стал складываться единый фронт буржуазии и правительства против революционного движения. Полностью отражая интересы своего класса, либераль-

¹⁶⁸ Там же, ф. 492, оп. 1, 1909—1910, д. 16, л. 1018.

¹⁶⁹ Там же.

¹⁷⁰ ЦГИА ЭССР, ф. 325, оп. 1, 1905—1906, д. 1235, л. 465.

¹⁷¹ В. И. Ленин, Соч., т. II, стр. 94.

ные профессора, как и подобало этим «идейным» прихвостням буржуазии, стали звать студентов учиться, а не заниматься революцией.¹⁷²

Утомленная борьбой демократического студенчества и обеспокоенная развитием революции, либеральная профессура с радостью ухватилась за брошенную ей подачку в виде «временных правил» 27 августа. Восторженно отзываясь об автономии и возлагая большие надежды на думу, она выступила за мирный путь развития, за тактику соглашения с правительством. Профессора почувствовали себя полными хозяевами в стенах университета, независимыми не только от местной, но и центральной учебной власти. Они повели борьбу против студенческого движения, за восстановление занятий, за сохранение автономии.

Как в других высших учебных заведениях, так и в Тартуском университете осенью 1905 г. первым крупным мероприятием, направленным на пресечение студенческой забастовки, явилась разработка мероприятий для «установления правильного хода учебной жизни». Проект мероприятий был подготовлен специальной комиссией и обсуждался на заседаниях университетского совета 19, 21 и 23 сентября.¹⁷³ После многих поправок и добавлений были приняты «Положения» совета — целый ряд предложений, касавшихся в основном четырех вопросов: отношения к студенчеству, отношения к младшим преподавателям, свободы преподавания, приема женщин в высшие учебные заведения.

Поскольку возобновление занятий в условиях революции в определяющей степени зависело от позиции студентов, постольку либеральные профессора всячески старались подчеркнуть, что в рамках автономного университета вполне можно произвести ряд улучшений в положении студенчества. Поэтому в качестве первого пункта выдвигалось требование немедленного упразднения инспекции. Студентам рекомендовалось предоставить право собраний в университетских помещениях, право устраивать общества и иные организации, но только с ведома и разрешения совета.¹⁷⁴ Стремясь отвлечь студенческую молодежь от революции, профессора требовали «прекратить преследование студентов, возбужденное по поводу студенческих беспорядков или участия в студенческих организациях, предоставив всем уволенным право вновь вступать во все учебные заведения.»¹⁷⁵ Все эти изменения предполагалось произвести с санкции совета. Было решено ходатайствовать перед Министерством народного просвещения о разрешении принять в текущем году сверх нормы всех евреев, подавших заявления в

¹⁷² В. И. Ленин, Соч., т. II, стр. 94.

¹⁷³ «Ученые записки Имп. Юрьевского университета», Юрьев 1906, № 1, стр. 2.

¹⁷⁴ Там же, стр. 20—21.

¹⁷⁵ «Ученые Записки И. Ю. университета», 1906, № 1, стр. 21.

Тартуский университет, и об отмене в дальнейшем вообще процентного ограничения при приеме евреев.¹⁷⁶

О младших преподавателях было весьма неопределенно сказано, что их положение должно подлежать изменению, с расширением для них избирательной системы и с установлением постоянной связи между ними и советом.

Отрицательное отношение было высказано против вмешательства административных властей во внутренние дела учебных заведений, что явилось протестом против многочисленных увольнений профессоров и преподавателей высших учебных заведений России за «неблагонадежность».

Внимания заслуживает и то, что совет не прошел мимо наиболее важного вопроса о женском высшем образовании, разрешив его, по сравнению с существовавшими правилами, положительно. Вносились предложения принимать в университет всех лиц, имевших на то право по образовательному цензу, независимо от пола, национальности, вероисповедания и учебного округа. При этом конкретно указывалось: «Лиц женского пола . . . принимать на будущее время в число посторонних слушателей на все факультеты. . .»¹⁷⁷.

Оценивая принятые советом «Положения», следует отметить, что решение ряда вопросов, особенно требование приема женщин в университет, отмены процентного ограничения для евреев носило весьма радикальный характер.¹⁷⁸ Однако это было вызвано дальнейшим нарастанием революции, когда «. . . буржуазная демократия «краснеет» и старается говорить иногда «почти-революционным» языком».¹⁷⁹ Фактически же борьба либералов была непоследовательной и своекорыстной.

Для деятельности либеральных профессоров по отношению к студентам характерны осторожность, стремление выступить перед ними в роли заботливых попечителей, подчинить их своему влиянию, отвлечь от большевистских лозунгов и направить студенческое движение в реформистские рамки. — Идите за нами, — говорили профессора студентам, — мы сами добудем вам свободу, но добудем её безопасным, мирным путём; ваше же дело только учиться. Очень метко определил такую политику Ленин: «. . . свободой университета профессора пользуются и желают пользоваться не для революции, а для противоревольционной проповеди, не для разжигания пожара, а для тушения его, не для расширения поля борьбы, а для отвлечения от решительной борьбы на сторону мирного сотрудничества с Треповыми».¹⁸⁰ В

---

¹⁷⁶ Там же.

¹⁷⁷ Там же, стр. 22—23.

¹⁷⁸ В годы реакции черносотенный министр народного просвещения Шварц возбудил против ректора Пассека судебный процесс, причем в качестве основного обвинения выдвигал указанные ходатайства совета.

¹⁷⁹ В. И. Ленин, Соч., т. 9, стр. 149.

¹⁸⁰ Там же, стр. 351.

разработанных советом «Положениях» отсутствует требование установления демократической республики, ибо либеральная профессура в основном удовлетворилась обещанием государственной думы, надеясь, что дума не ущемит интересов автономного университета.

Когда на студенческих сходках большинство студентов высказывалось за прекращение забастовки, либеральная профессура торжествовала, считая это своей заслугой, еще не улавливая для себя опасности в подлинной сущности студенческих требований открытия университета. Ей казалось, что цель достигнута и в автономном университете спокойно возобновятся занятия.

Реальным результатом «Положений» совета явилось принятие в университет (с санкции совета ¹⁸¹) осенью 1905 г. всех евреев, подавших заявления, и принятие 5 женщин в число вольнослушательниц.¹⁸²

В некоторой степени оживилась и деятельность младших преподавателей группы Академического союза. В 1905 г. в университете было всего 35 младших преподавателей, среди них 4 доцента и 22 приват-доцента. Кроме того в учебно-вспомогательных учреждениях работало около 50 человек.¹⁸³ Наиболее активными среди них были приват-доценты Култашев, Сахаров, ассистент Севастьянов, лаборант Десслер. Последний принимал участие в студенческих боевых дружинах (позднее примкнул к кадетам). Из них в академический союз входило около 25 человек.

9 октября состоялось заседание группы. В основном была одобрена университетская автономия. В принятом решении указывалось, что «в данное время, когда университеты вступили на путь обновления своей жизни на началах автономии, младшие преподаватели считают своим долгом принять участие в деле устройства университета . . . (они) посылают из своей среды делегатов с правом решающего голоса в факультет с расчетом по одному делегату на 5 человек . . . Все же остальные младшие преподаватели участвуют в факультете с правом совещательного голоса.»¹⁸⁴ Как видим, младшие преподаватели не вышли из рамок академической «свободы». Но даже эти скромные требования остались неудовлетворенными.

Консервативная часть профессоров энергично протестовала против политики лавирования совета, требуя применения крутых мер против студентов, участников революционного движения. Но в совете консерваторы были в меньшинстве и поэтому им оставалось или подавать особое мнение или же покидать заседания.

Интересны, например, предложения проф. Граве, внесенные им при обсуждении проекта «Положений» и записанные в особом мне-

¹⁸¹ Министерство народного просвещения сообщило, что «Положения» совета Тартуского университета превысили санкции министерства.

¹⁸² Личный состав Имп. Юрьевского университета, Юрьев 1905.

¹⁸³ ЦГИА ЭССР, ф. 402, оп. 4, 1905, д. 1339, л. 109.

¹⁸⁴ Там же, 1901—1917, д. 1284, л. 154.

нии. Проф. Граве ругает даже за «совершенное уничтожение» инспекции, но не потому, что она ненавистна студентам, а «ввиду совершенной неспособности инспекции оказать какую-либо действительную помощь в случае посягательства бунянов . . . на товарищей (т. е. корпорантов — Л. Э.), желающих продолжать свои занятия наукой . . .»¹⁸⁵ Он предлагает заменить инспекцию «средством, способным оказать воздействие хотя бы даже силой на всех, забывающих правила общественности и приличия, посягателей на свободу и условия сохранения порядка других, при безуспешности делаемого им внушения.»¹⁸⁶ Такого же мнения был и проф. Крашенинников.¹⁸⁷

Расчеты либеральной профессуры на то, что возобновление занятий вырвет университет из пламени революции, не оправдались. Революционное студенчество прекратило забастовку, но не в угоду профессорам, а для активной революционной борьбы. В университет пришли рабочие; с кафедр прозвучали призывы к свержению самодержавия.

Основной целью совета стало прекращение доступа для посторонних (особенно рабочих) в университет, прекращение массовых митингов и сходок. Когда студенты объявили забастовку протеста, требуя освобождения арестованных товарищей, ректор с одобрения совета закрыл университет. Совет стремился обезоружить студентов: забастовка не имела бы смысла в закрытом университете. Однако, с другой стороны, профессора воспользовались создавшимся положением, чтобы потребовать от вышестоящих властей быстрого устранения причин, вызывавших, по их мнению, продолжение студенческого движения. Так, на заседании 30 сентября совет в лице либерального большинства потребовал безотлагательной отмены в Тарту усиленной охраны (введенной еще в марте 1905 г.)¹⁸⁸

Решение совета выражало недовольство полицейским вмешательством в дела автономного университета.

Кроме того, совет признал необходимым немедленное освобождение чинов инспекции от их обязанностей¹⁸⁹; с этого времени институт инспекции прекратил свое существование. Фактически же студенты в ходе революции уже давно перестали считаться с этим ненавистным органом полицейского сыска, изгоняя со своих собраний инспекторов и педелей. Министерство просвещения впоследствии обвиняло совет в том, что именно «упразднение надзора за студентами» и привело к многочисленным собраниям и митингам в университетских помещениях.¹⁹⁰

---

¹⁸⁵ Там же, л. 168—169.

¹⁸⁶ ЦГИА ЭССР, ф. 402, оп. 4, 1901—1917, д. 1284, л. 168—169.

¹⁸⁷ Там же, ф. 492, оп. 1, 1909—1910, д. 12, л. 255.

¹⁸⁸ Там же, д. 11, л. 6.

¹⁸⁹ Там же.

¹⁹⁰ ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 154, 1905, д. 91, л. 82.

Характерно, что когда студенты 6 октября постановили приступить к занятиям, то либералы решили еще повременить несколько дней (до 10 октября). На удивленный запрос министра Пассек ответил: «Уже начинает сказываться у студентов сильное утомление от бесплодных затрат сил и времени.»¹⁹¹ Профессора явно не понимали сущности студенческого движения, считая его лишь простым увлечением наносного характера.

В дни октябрьской политической забастовки профессорский совет замялся в панике. Стало совершенно очевидным, что учебный год окончательно сорван. Крайний пессимизм звучал в словах Пассека: «Общее настроение студентов далеко, конечно, не дает уверенности в том, что занятия в этом семестре пойдут и далее весьма успешно хотя бы только с внешней стороны, не говоря уже об их плодотворности.»¹⁹² Но уже не срыв учебного года пугал профессоров, слишком угрожающим стал размах революции. Побывавший на одной студенческой сходке проф. Дегио был потрясен: «Каждый, кто сам видел и слушал, что там происходит, не может не убедиться в том, что в этом студенческом движении содержится громадная сила; эта сила в настоящее время закрывает и открывает университет, не заботясь ни о профессорах, ни о совете, ни о начальстве, ни о правительстве.»¹⁹³

Правая профессура злорадствовала по поводу провала политики либеральничания и считала прямым следствием этой политики «осквернение» университетских святилищ науки, — так она называла открытие университета для народа. Она решительно потребовала закрытия университета. Когда совет постановил вынести из актового зала портреты царя (чтобы «спасти» их), то проф. Красножен с возмущением заявил, что совет пошел по пути наименьшего сопротивления; «нужно не царские портреты выносить, а прогнать митингующих», — требовал он.¹⁹⁴

Как только началась всеобщая забастовка и народ повалил в аудитории университета, совет постановил временно прекратить занятия, но не осмелился закрыть дверей университета. Однако свыше сразу же последовал окрик: «Совершенно прекратить доступ в помещения университета студентам и посторонним лицам», и потребовали для этого полицейской охраны зданий.¹⁹⁵

Но выполнить этот приказ было нелегко. «Откроешь университет — дашь трибуну для народных представителей, окажешь неограниченную услугу социал-демократам. Закроешь университет — откроешь личную борьбу.»¹⁹⁶ А последнее могло привести к полному разгрому университета, к ликвидации автономии. И либе-

¹⁹¹ ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 153, 1905, д. 163, л. 4; ЦГИА ЭССР, ф. 384, оп. 1, 1905, д. 1433, л. 91—92.

¹⁹² Там же, л. 91.

¹⁹³ ЦГИА ЭССР, ф. 402, оп. 7, 1904—1915, д. 516, л. 11.

¹⁹⁴ Там же, ф. 492, оп. 1, 1909—1910, д. 13, л. 273—275.

¹⁹⁵ Там же, ф. 384, оп. 1, 1905, д. 1433, л. 124.

¹⁹⁶ В. И. Ленин, Соч., т. 9, стр. 348.

ралы повели очень осторожную политику. Несколько раз собирались заседания совета. Наконец, 20 октября было постановлено оставаться при прежнем решении, т. е. только временно прекратить занятия. Совет заявил, что полное закрытие университета не вызывается требованиями закона и является в настоящее время нецелесообразным.¹⁹⁷

Либеральные профессора боялись открытых репрессий, опасаясь, что они могут вызвать лишь обострение противоречий и укрепить складывавшийся союз студенческой молодежи с рабочими. Политика репрессий могла привести к вооруженному столкновению, что разоблачило бы истинное лицо либералов. Конечно, они действовали в контакте с местными властями. Ректор присутствовал на экстренных совещаниях, созываемых начальником гарнизона, информировал полицию о решениях студенческих сходов. Ректор и проф. Пусторослев участвовали в разработке плана расстановки полицейских нарядов в городе.¹⁹⁸ Но они не ходатайствовали об охране здания университета, протестовали против нападения полиции на студентов, против вмешательства военных и гражданских властей в дела автономного университета.

Активно борясь за возобновление учебных занятий в университете, либеральная профессура тем самым боролась против революции. Но в то же время она прилагала усилия, чтобы «не предавать» студенчества в руки властей, предполагая, что в борьбе за сохранение автономии может еще понадобиться помощь студентов.

Тактика поведения тартуской либеральной профессуры, в отличие от других университетов, в значительной степени определялась и крайней враждебностью остзейских дворян к русским студентам и профессорам. Они, не желая примириться с потерей своих руководящих позиций в университете, клеветали на него, называли очагом революционной смуты в Прибалтике, обвиняли либеральных профессоров в разложении молодежи и т. д.¹⁹⁹ — Верните нам университет, мы восстановим в нем порядок, — таков был смысл их травли. Из реакционных профессоров этот «балтийский хор» активно поддерживали Цеге фон Мантейфель, член ландтага, близко стоявший к придворным кругам, Дегио и др. Большинство совета, в частности ректор Пассек, энергично разоблачало все происки реакционного дворянства, старалось охранять университет от упорно требуемых методов водворения «порядка», т. е. от разгрома.

Манифест 17 октября либеральная профессура встретила восторженно. Сообщение о нем было сделано на заседании совета 18 октября. Настроение профессоров выразил Пусторослев, заяв-

¹⁹⁷ ЦГИА ЭССР, ф. 384, оп. 1, 1905, д. 1433, л. 135—142.

¹⁹⁸ Там же, ф. 492, оп. 1, 1909—1910, д. 15, л. 778—780.

¹⁹⁹ Там же, ф. 402, оп. 7, 1904—1915, д. 516, л. 15—19; см. «Nordlivländische Zeitung», X-XII 1905; «Düna-Zeitung», X-XII 1905.

вивший: «Государь император ограничил свое самодержавие и дал конституцию русскому народу... Это событие имеет огромное значение в жизни русского народа. Оно открывает новую эру.»²⁰⁰ Члены совета наивно надеялись, что объявление манифеста успокаивающим образом подействует на студентов и ускорит спад революционного движения и что можно будет вновь возобновить занятия. Но эти надежды не оправдались. Поднимавшаяся волна революции заставила правительство закрыть учебные заведения на весь учебный семестр.

В связи с манифестом профессора вспомнили и о ходатайстве младших преподавателей. Так, проф. Пусторослев предложил, что университет должен теперь ограничить «свое собственное самодержавие», т. е. «... дать конституцию младшим преподавателям и студентам, допустив их представителей к участию в профессорских заседаниях».²⁰¹ Мнение Пусторослева и решение собрания младших преподавателей были переданы на обсуждение факультетов. Соответствующие предложения (не допускавшие, однако, младших преподавателей в совет) были выработаны физико-математическим, юридическим и историко-филологическим факультетами, но этим дело и ограничилось, так как в связи с усилением реакции на обсуждение совета они не выносились.

Политическая платформа либерального большинства совета — это платформа ведущей партии буржуазного либерализма, назвавшей себя конституционно-демократической партией (кадеты). Как известно, кадеты отстаивали конституционную монархию, однако в период подъема революции не решались говорить об этом открыто и называли себя «социальными реформаторами». Кадетская программа была непоследовательной и антидемократической. Ленин писал о ней: «В области политики их программа соединяет вместе демократизм, «народную свободу» и контрреволюцию, свободу угнетения народа самодержавием, соединяет с чисто мелкобуржуазной и профессорски-педантской скрупулезностью.»²⁰²

3. Университет в период декабрьского вооруженного восстания.

После всероссийской политической стачки большевистские организации, выполняя решения III съезда РСДРП, стали упорно готовить вооруженное восстание. Деятельность партии возглавил вернувшийся из-за границы В. И. Ленин. Под его руководством большевики, беспощадно разоблачая буржуазно-оппортунистические иллюзии о возможности мирных уступок со стороны царизма, звали к немедленной организации революционной армии, к её вооружению.

²⁰⁰ ЦГИА ЭССР, ф. 402, оп. 4, 1901—1917, д. 1284, л. 157.

²⁰¹ Там же.

²⁰² В. И. Ленин, Соч., т. 10, стр. 190.

В октябре-ноябре вся страна покрылась сетью боевых дружин и организаций самообороны, происходило вооружение рабочего класса. Непрерывно нарастала революционная активность народных масс.

В первых рядах общереволюционного и национально-освободительного движения шел пролетариат Прибалтики, особенно Латвии. К концу ноября вся Латвия была охвачена пламенем восстания.

Большие изменения произошли в стачечной борьбе эстонского пролетариата. Если весной преобладали экономические стачки, то осенью основной формой борьбы стали политические стачки. Происходил быстрый рост политической сознательности эстонских рабочих. Они также собирали силы для вооруженного восстания.

В середине октября 1905 г. Объединенная студенческая социал-демократическая организация Петербурга выпустила прокламацию ко всему революционному студенчеству России с призывом развернуть практическую подготовку к вооруженному восстанию. В ней выдвигались три большевистских лозунга: «Вооруженное восстание. Временное правительство. Революционная армия.»²⁰³ Эта революционная прокламация, распространявшаяся среди студентов Тарту,²⁰⁴ а также воззвание Тартуской группы РСДРП к рабочим от 21 октября с призывом к вооружению определили основную линию борьбы тартуского революционного студенчества, нацелив его на продолжение борьбы, на подготовку вооруженного восстания.

Своей активной борьбой в дни октябрьской политической стачки тартуские студенты добились значительных успехов: 1) созданные профессурой и учебным начальством планы возобновления занятий были сорваны; 2) университет остался открытым, в нем по-прежнему могли происходить студенческие сходки, собрания рабочих, учащихся средних школ.

Однако в период после всеобщей забастовки условия борьбы революционно-демократического студенчества в Тарту стали значительно труднее.

В связи с прекращением занятий учебное начальство и полиция стали торопить студентов с выездом из Тарту, чтобы ослабить революционные силы. По данным печати уже к середине ноября в городе оставалось не более 500 студентов университета,²⁰⁵ причем отъезд продолжался (состоянием на 15 октября в университете числилось 2264 студентов, слушателей фармации и посторонние слушателей). Отъезд студентов вызвал полное удовлетворение местных буржуазных кругов²⁰⁶, заинтересованных

²⁰³ «Вопросы истории», 1955, № 10, стр. 80—81.

²⁰⁴ ЦГИА ЭССР, ф. 492, оп. 1, 1909—1910, д. 16, л. 1021.

²⁰⁵ «Рижский Вестник», 7. XI. 1905, № 241.

²⁰⁶ Ed. Vilde, Kodanlus, proletariaat ja revolutsioon, „Uudised“, 28. (10. XI) X 1905, Nr. 83.

в подавлении революции. Большая часть студентов разъехалась во внутренние губернии России; это были, главным образом, русские студенты, наиболее активные организаторы и участники студенческого движения. Последнее обстоятельство обусловило ослабление организации РСДРП. По распоряжению полиции вынужден был выехать в Минскую губернию большевик Н. Чудовский.²⁰⁷ В октябре были привлечены к следствию М. Томашевич, И. Коварский,²⁰⁸ выехали из Тарту активные пропагандисты П. Кассандров, А. Боркан и др.²⁰⁹ В университете стали усиливаться эсеровские и меньшевистские настроения. Меньшевики, ошибочно считая революцию уже потерпевшей поражение, отрицали необходимость вооруженного восстания.

Активизировалась деятельность партии эстонских федералистов, ряды которых сравнительно быстро росли, так как прием в члены производился весьма упрощенно, простым занесением в списки. «Записывались» в партию и студенты. По мере общего подъема революции значительная часть федералистов шла вместе с революцией, приумножая ряды борцов против царизма. Нельзя не отметить их выступлений против националистической эстонской буржуазии. Но программа ЭСДРП не включала требования вооруженного восстания. Большевикам приходилось вести упорную борьбу против раскольнических действий лидеров партии в отношении РСДРП.

Наличие различных партийных группировок приводило, по мере обострения классовой борьбы в стране, к обострению противоречий между ними, что затрудняло деятельность революционно-демократического студенчества.

Усиливала свою подрывную работу тыниссоновская буржуазная партия «прогрессистов», стремившаяся демагогическими лозунгами и обещаниями усыпить народ, отвлечь его от борьбы.

Но, преодолевая трудности, революционные студенты напрягали все свои силы и продолжали борьбу за осуществление лозунгов большевистской партии.

По указанию группы РСДРП студенты продолжали агитационную работу среди рабочих, служащих, разоблачая демагогическую ложь буржуазии. При их активном участии в актовом зале продолжали происходить собрания. Так, 5 ноября состоялась сходка столяров,²¹⁰ 6 — домашней прислуги, 6—9 ноября — сапожников.²¹¹ На сходке 10 ноября большевики подняли вопрос о подготовке к вооруженному восстанию, но конкретных решений принято не было,²¹² их сорвали федералисты и меньшевики. На

²⁰⁷ 1905. aasta Eestis, Leningrad 1926, стр. 139.

²⁰⁸ ЦГИА ЭССР, ф. 492, оп. 1, 1909—1910, д. 13, л. 404—406.

²⁰⁹ ЦГИА ЭССР, ф. 402, оп. 7, 1906, д. 566, л.л. 18, 97; д. 567, л. 27.

²¹⁰ „Teataja“, 6. XI 1905.

²¹¹ «Postimees», 7, 10. XI 1905, Nr. 244, 247.

²¹² ЦГИА ЭССР, ф. 492, оп. 1, 1909—1910, д. 15, л. 751—752; д. 17, л. 116.

рабочих сходках выдвигались предложения о создании профессиональных организаций.

4 декабря в актовом зале состоялось собрание железнодорожных рабочих Балтийской и Псковско—Рижской железных дорог. В принятой резолюции железнодорожники призывались присоединиться к предстоящей всеобщей забастовке.

На сходках выступали студенты, знакомя рабочих с политическим положением в стране, с начавшейся новой волной стачечного движения. Они призывали к поддержке пролетариата, к вооруженному восстанию. Местные судебные власти со страхом констатировали, что сходки в стенах университета приняли более опасный характер. «Теперь стали говорить о том, как перейти от слов к делу, откуда и с кого начинать. В университет стали допускаться лица, известные организаторам или снабженные особыми билетами. В речах стали призывать народ к вооружению. В городе каких-либо особенных беспорядков не происходило, но они усиленно подготовлялись.»²¹³

У студентов имелась связь с демократической интеллигенцией; они присутствовали на собрании народных учителей, состоявшемся 13 ноября в Тарту, и горячо поддержали требование введения преподавания на эстонском языке.²¹⁴ Они оказывали большое влияние на передовую часть учащихся средних учебных заведений, посещавших все собрания в университете и установивших связь с «Обществом студентов-медиков». Члены общества снабжали, например, воспитанников реального училища химическими препаратами для обструкции.²¹⁵

С целью пропаганды и политического воспитания молодежи студенты устраивали литературные вечера в помещениях «Общества русских студентов», а также городских обществ. На них проносились революционные речи, распевались песни, распространялись прокламации. Особенным успехом пользовался Н. Самбикин, с большим подъемом декламировавший революционные стихи, в том числе «Буревестника» Горького.

Студенческая агитация доходила и до крестьянства, что имело большое значение в связи с ростом массового крестьянского движения в Эстонии в ноябре-декабре 1905 г. Известно, например, что в ноябре и в начале декабря на собрания в университет и в помещение «Медицинского клуба» («Общества студентов-медиков») приходили крестьяне из окрестных волостей.²¹⁶

Студенты присутствовали на всеэстонском съезде народных представителей, происходившем 27—29 ноября в Тарту, демокра-

---

²¹³ ЦГИА ЭССР, ф. 492, оп. 1, 1909—1910, д. 17, л. 215—219.

²¹⁴ «Uudised», 22. XI 1905.

²¹⁵ ЦГИА ЭССР, ф. 325, оп. 1, 1905—1906, д. 1235, л. 481.

²¹⁶ ЦГИА ЭССР, ф. 492, оп. 1, 1909—1910, д. 13, л. 385—387; ф. 402, оп. 7, 1913—1915, д. 516, л. 13.

тическая часть которого собралась в актовом зале университета. Это стало возможным благодаря активной борьбе демократического студенчества осенью 1905 г., добившегося открытия университета для народа. Здесь развернулась острая борьба между последовательно революционными делегатами, как Я. Сихвер и М. Айтсам, которые призывали к вооруженному восстанию, и соглашательскими, колеблющимися элементами. «Аулаский съезд» имел большое значение для студентов: они ближе узнали о положении в деревне и убеждались, что идея вооруженного восстания встречает широкую поддержку среди беднейших крестьянских масс, готовых к немедленному выступлению. Это явилось большим моральным подкреплением для революционной молодежи, мобилизовавшей силы для восстания. С другой стороны, на съезде ясно проявилось соглашательство мелкобуржуазных элементов, что облегчало революционной социал-демократии их разоблачение перед рабочими.

Следуя указаниям партии, студенты (Гемп, Чапурский) проводили агитацию и среди солдат; имелись связи с нижними чинами конвойной команды и со служащими уездного воинского управления; писарские ученики посещали студенческие сходки.²¹⁷

Наряду с активной агитационной работой революционно настроенные студенты создавали и укрепляли боевые дружины, приобретали оружие. Оружие закупалось, главным образом, в Риге и Петербурге на средства Делегатского собрания, медицинского клуба и сборов.²¹⁸ Закупкой и хранением оружия занималось в основном «Общество студентов-медиков».

Агитационная деятельность студентов проводилась и вне Тарту. Многочисленные полицейские рапорты указывают на то, что, начиная с ноября, среди эстонских крестьян появилось много революционных агитаторов, в том числе и из Юрьева.²¹⁹

В проведении пропаганды среди крестьян участвовали и прогрессивные эстонские студенты. Одним из активных общественных деятелей был студент-математик Я. Сарв (в 1918 г. ректор в восстановленном советской властью университете; проф. математики в ТГУ; умер в 1954 г.). Он выступал на народных собраниях в Выру, Алуksне, проводил большую агитационную и разъяснительную работу в Валга.²²⁰ Он же был корреспондентом газеты „Uudised”.²²¹ В Харьюмаском уезде действовала целая группа студентов; один из них (М. Пюман) был избран крестьянами на

²¹⁷ ЦГИА ЭССР, ф. 492, оп. 1, 1909—1910, д. 17, л. 778—779.

²¹⁸ Там же, д. 14, л. л. 650, 701, 703.

²¹⁹ Революция 1905—1907 гг. в Эстонии, Таллин 1955, стр. 354, 355, 364 и сл.

²²⁰ Punased aastad, Tartu 1932, стр. 120, 122, 147; Fr. Tu gl a s, Noorusmälestused, Tartu 1940, стр. 194.

²²¹ Punased aastad, Tartu 1932, стр. 121.

собрание волостных представителей в Таллине.²²² Имеются сведения о деятельности студентов в Тартуском уезде, в Пыльтсамаа и других местах.²²³ Студенческая агитация оказала влияние на революционную борьбу эстонского крестьянства в конце 1905 г. Но среди студентов несомненно были и такие, которые предостерегали народ от активных действий, звали к мирной подаче требований, к соглашению с существующим положением.

Положительным следует считать поддержку студентами крестьянских требований введения эстонского языка в школах и учреждениях.

Тартуские студенты поднимали знамя борьбы и далеко за пределами Эстонии. Известно, что они участвовали в демонстрациях, распространяли прокламации, выступали на собраниях в Калуге (Преображенский), Ставрополе (Шепелев), Гродно (Виккер), в Московской губернии (Савинич) и др. местностях России.²²⁴

Активизация революционной борьбы, особенно крестьянского движения в ноябре, приняла настолько широкие размеры, что помещики бежали из своих имений. Губернатор и бароны умоляли правительство объявить Прибалтику на военном положении, т.е. начать открытую войну против революции. И 22 ноября 1905 г. в Лифляндской губернии, 10 декабря в части Эстляндской губернии было объявлено военное положение. Одновременно учреждалась и должность временного прибалтийского генерал-губернатора, в распоряжение которого стали направляться крупные воинские части.

В Тарту сразу же оживила свою деятельность черная сотня Фолька, усиленно запасавшаяся оружием. Городская дума приступила к организации «безоружной» «городской милиции», цели которой определялись следующим образом: «Защита в настоящее смутное время личности и имущества каждого в Тарту от насилия и поджогов помимо деятельности полиции. Политического характера городская милиция не имеет... не состоит под командой полиции.»²²⁵ На самом же деле «городская милиция» создавалась как контрреволюционная организация для тушения революционного пожара, она действовала в тесном контакте с полицией и военными властями, члены её имели оружие. Поэтому следует строго различать органы народной милиции, создававшиеся в деревне и являвшиеся носителями революционной власти, и органы «городской милиции», представлявшие лишь разновидность черносотенных отрядов.

Тартуская буржуазия очень одобрительно отнеслась к обра-

---

²²² Литературный музей АН ЭССР, ф. 172, М. 1 : 29, л. 2—5; ЦГИАМ, ф. 102, 1905, д. 1350—50, л. 106.

²²³ Литературный музей АН ЭССР, ф. 172, М. 5, л. 1—2; 1905. aasta revolutsiooni päevilt, Tallinn 1931, стр. 90.

²²⁴ ЦГИА ЭССР, ф. 492, оп. 1, 1909—1910, д. 13, л. 404—410; ф. 402, оп. 7, 1903—1916, д. 490, л. л. 652, 682, 753 и сл.

²²⁵ ЦГИА ЭССР, ф. 492, оп. 1, 1909—1910, д. 16, л. 1020.

зованию «городской милиции» и стала вступать в неё.²²⁶ Не осталась в стороне и реакционная профессура университета; проф. Алексеев, Красножен, Граве были членами «милиции», Дегио вместе с Тыниссоном и адвокатом фон Бреккером состоял в «распорядительной тройке».²²⁷ Немецкие корпоранты весьма охотно вступали в новую черную сотню.

Сплочение сил контрреволюции в условиях объявленного военного положения крайне осложняло и затрудняло организационно-агитационную работу студенческой молодежи.

Между тем революция вступила в свою решающую фазу. 9 декабря в Москве началось вооруженное восстание. С оружием в руках стал подниматься и пролетариат других городов. Наступил высший подъем первой русской революции.

В Эстонии большевики, вследствие подрывной деятельности меньшевиков, федералистов, не сумели повести пролетариат на вооруженное восстание, но боевые группы таллинских рабочих направились в деревню на помощь крестьянам. В знак поддержки московского пролетариата около 20 тыс. рабочих объявили политическую забастовку.²²⁸

В Тарту всеобщая забастовка была намечена на 12 декабря; в этот день в город прибывали новобранцы (главным образом из крестьян) и группа РСДРП рассчитывала на их содействие и участие в забастовке.²²⁹ Студенты Рыболовский, Чапурский, Гемп распространяли среди рабочих гектографированные воззвания, призывали к забастовке, к приобретению оружия.²³⁰

Но если в октябре, в дни мощных народных демонстраций, полиция оказалась парализованной и боялась столкновений с народом, то теперь, в условиях военного времени, она стала очень активной. Полицеймейстер, узнав о намечавшейся забастовке, в спешном порядке вызвал из Валка отряд казаков, приготовил усиленный наряд полиции; в казармах были приведены в боевую готовность воинские пехотные части.²³¹ Тыниссон и проф. Дегио мобилизовали «городскую милицию», укрыв её уже с вечера в помещении ратуши; к «милиции» примкнули и корпоранты.²³² 11 декабря в городе были вывешены объявления, предупреждавшие население о применении против него в случае «беспорядков» самых решительных мер.²³³

Утром 12 декабря работа на части промышленных предприятий была приостановлена, рабочие вышли на улицу. В полдень много рабочих, студентов, учащихся собралось на Ратушной пло-

²²⁶ «Postimees», 3. XII 1905.

²²⁷ ЦГИА ЭССР, ф. 492, оп. 1, 1909—1910, д. 16, л. 945—946.

²²⁸ H. Moosberg, 1905.-1907. aasta revolutsioon Eestis, Tallinn 1955.

²²⁹ Революция 1905—1907 гг. в Эстонии, Таллин 1955, стр. 369.

²³⁰ ЦГИА ЭССР, ф. 492, оп. 1, 1909—1910, д. 14, л. 468.

²³¹ Революция 1905—1907 гг. в Эстонии, Таллин 1955, стр. 370.

²³² Там же, стр. 371.

²³³ «Nordlivländische Zeitung» 13. hII 1905, Nr. 278.

щади, где предполагалось устроить общегородской митинг. Но еще до начала митинга на собравшийся народ со всех сторон напали вооруженные отряды. Первой вышла из засады «городская милиция», встреченная криками: «Долой милицию! Долой черносотенцев!»²³⁴ Члены безоружной «милиции» вначале избивали людей палками, а затем открыли огонь, что вызвало ответные выстрелы, «милиционеры» стали забрасывать камнями. Черносотенцев поддержали полиция, солдаты и казаки. После нескольких залпов невооруженный народ вынужден был отступить, оставив на площади 11 тяжело раненных.²³⁵

Возмущенные люди стали вновь собираться, но полицейские патрули, расставленные по всему городу, разгоняли их и приступили к арестам. Арестовано было 6 человек, среди них студент университета Н. Гемп.²³⁶

Под караулом полицейских нарядов уже на следующий день на предприятиях города возобновилась работа.²³⁷ Начавшаяся забастовка не переросла во всеобщую; вооруженного восстания в Тарту не произошло. Здесь сказалась слабая активность тартуской социал-демократической организации, которая, раздираемая внутренними противоречиями, вела недостаточную подготовку к вооруженному восстанию. Хотя политическая сознательность рабочих за 11 месяцев революции значительно возросла, но тем не менее они не понимали еще в достаточной степени лозунгов различных политических партий и группировок, а поэтому попадали под влияние оппортунистов, примиренцев. Сказалось ослабление студенческого движения, вызванное резким уменьшением количества студентов в Тарту в связи с их отъездом, а также усиление влияния меньшевиков и федералистов, отрицавших необходимость вооруженного восстания. После введения военного положения в Прибалтике быстро концентрировались силы реакции, переходившие к активным действиям.

Участие корпорантов и профессоров в черносотенном отряде на Ратушной площади крайне возмутило демократическое студенчество университета и ветеринарного института. Для выражения гнева и протеста оно устроило 15 декабря общестуденческое собрание в актовом зале, на котором были выработаны следующие постановления:

1) осудить действия городской милиции; потребовать её полного уничтожения; потребовать, чтобы и профессорские советы выступили на защиту горожан;

2) потребовать создания следственной комиссии для расследования происшествия 12 декабря;

3) считать позором для университета и института факт учас-

---

²³⁴ Революция 1905—1907 гг. в Эстонии, Таллин 1955, стр. 370.

²³⁵ Там же.

²³⁶ Там же, стр. 371.

²³⁷ ЦГИА ЭССР, ф. 325, оп. 1, 1905—1906, д. 1235, л. 501.

тия профессоров в черносотенной организации; признать несовместимой деятельность профессора с деятельностью дружинника.²³⁸ На собрании студенты открыто требовали увольнения проф. Дегио.

В состав студенческой комиссии, которая должна была принять участие в расследовании, были избраны 6 студентов университета, среди них медик Н. Бурденко, и 2 студента-ветеринара.²³⁹ Студенческое собрание явилось одновременно протестом против введения военного положения в Прибалтике. Но на собрании не обсуждался вопрос о дальнейшей борьбе; не было выдвинуто требование о введении рабочих в следственные комиссии.

Протест заявила и группа младших преподавателей Академического союза, разоблачая характер действия «безоружной милиции» и её связь с полицией. В официальном заявлении группы было сказано, что «... она (милиция) выступила активно, не обороняясь, но нападая и подвергая при этом своей ... стрельбой мирных граждан риску быть убитыми, своими действиями она вызвала появление казаков и полиции, которая продолжала кровавую расправу.»²⁴⁰ Члены союза также потребовали немедленного роспуска черной сотни и резко осудили участие профессоров в ней.

В реакционной печати началась широкая полемика, в которой организаторы «милиции» всячески обосновывали правильность её действий.²⁴¹

Для успокоения общественного мнения городская дума избрала специальную следственную комиссию, но без включения в её состав студентов. Однако вскоре последовало распоряжение губернатора, запретившее думе заниматься делами не своей компетенции.

Указанное собрание 15 декабря было последним выражением протеста демократического студенчества в 1905 году. Началось активное наступление реакции на всех фронтах. 20 декабря 1905 г. высшие учебные заведения страны были закрыты на неопределенный срок «до успокоения возбуждения в народе». В таких условиях совет Тартуского университета также вынес решение о полном закрытии университета как для посторонних, так и для студентов, о запрещении всяких собраний. По мере того, как активизировалась деятельность карательных экспедиций в Прибалтике, усиливалось преследование участников студенческого движения. Еще многие студенты вынуждены были поспешно покинуть Тарту, часть из них тайно эмигрировала за границу. Организация РСДРП ушла в глубокое подполье.

С поражением декабрьского вооруженного восстания кончился период наступления первой русской революции, началось постепенное её отступление.

²³⁸ Революция 1905—1907 гг. в Эстонии, Таллин 1955, стр. 371—372.

²³⁹ Там же, стр. 372.

²⁴⁰ Там же.

²⁴¹ «Nordlivländische Zeitung», 13—15. XII 1905.

Заключение.

Отличительной чертой первого этапа буржуазно-демократической революции 1905—1907 гг. был её мощный наступательный характер, быстро нараставший подъем от массовых стачек протеста в январе до вооруженного восстания в декабре 1905 г.

История Тартуского университета в 1905 г. является неотъемлемой составной частью истории первой русской революции. Университет был одним из значительных очагов революционной борьбы в Эстонии. Его место в революции определило революционно-демократическое студенчество. Совместно со студентами университета выступало демократическое студенчество ветеринарного института.

Революционная борьба студентов была обусловлена обострившимся социально-экономическим кризисом, охватившим Россию в конце XIX и начале XX вв., а также реакционной политикой царизма в области народного просвещения.

Руководила и направляла борьбу демократического студенчества Тартуская группа РСДРП, состоявшая в основном из студентов. Наиболее активными организаторами и участниками студенческого движения были революционно настроенные русские студенты, неустанно пропагандировавшие идеи революционной социал-демократии. Они содействовали укреплению связей Тартуского университета с другими университетами России.

Передовая часть эстонского студенчества участвовала в борьбе против самодержавия. В ходе революции укреплялась дружба между эстонскими и русскими студентами. Но многие эстонские студенты примкнули к федералистской ЭСДРП, что в известной степени было обусловлено реакционной руссификаторской политикой царизма. «Общество эстонских студентов» идейно срослось с эстонской буржуазией, значительная часть его членов боролась против революции.

В определении тактики борьбы тартуские студенты исходили из руководящих указаний ЦК РСДРП, опыта революционной борьбы пролетариата и всероссийского студенческого движения. В начале революции была объявлена политическая забастовка на весь семестр, вследствие чего занятия прекратились и университет был закрыт до осени 1905 г. Осенью демократическое студенчество использовало открытый университет в интересах революции, для подготовки вооруженного восстания.

Высшего подъема революционное движение студентов университета достигло в период всероссийской политической забастовки в октябре 1905 г. Университет стал очагом революционной борьбы, массовой политической школой, особенно для рабочих. Рабочие Тарту и демократическое студенчество выступали совместно под лозунгами свержения самодержавия и установления демократической республики. В ответ на царский манифест от 17 октября революционные студенты стали звать к вооруженному восстанию.

После всеобщей политической забастовки, в связи с прекращением занятий, большинство студентов вынуждено было выехать из Тарту. Преобладающая часть из них выехала во внутренние губернии России, где передовая молодежь продолжала революционную борьбу. Оставшиеся в Эстонии и Тарту проводили агитацию среди рабочих, демократической интеллигенции, крестьян. Университет оставался открытым для народных собраний, благодаря чему 27—29 ноября в нем состоялся всеэстонский съезд демократических народных представителей.

Однако в декабре 1905 г. тартуские студенты не смогли поддержать вооруженного восстания российского пролетариата. Студенческое движение ослабло, так как резко уменьшилось количество находившихся в Тарту студентов; среди социал-демократии усилилось влияние меньшевиков и федералистов, отрицавших необходимость вооруженного восстания. Началось открытое наступление контрреволюции, развязанное введением военного положения в Прибалтике.

В профессорско-преподавательском составе определились в основном два лагеря. Реакционная, монархическая часть профессоров открыто выступала против революции, а также против либеральных требований. Но в университетском совете она оставалась в меньшинстве, а поэтому искала поддержки вне университета.

Большинство профессоров и преподавателей принадлежало к либералам. В начале революции они примкнули к общей либеральной оппозиции с целью добиться некоторых реформ. Осенью 1905 г. они удовлетворились «Временными правилами» от 27 августа и царским манифестом, приложили все усилия для прекращения студенческого движения. Но либералы не требовали репрессий против студентов. Либеральные профессора явно рассчитывали на поддержку со стороны студентов в случае посягательства на «права» автономного университета. На их позицию оказывало влияние и крайне враждебное отношение к университету остзейского дворянства, клеветавшего на него и требовавшего от высших властей разгрома очага «крамолы».

1905 год является светлой страницей в истории Тартуского университета. В период мощного наступления революции демократические силы университета получили боевую закалку. Они продолжали освободительную борьбу и в условиях отступления революции в 1905—1907 годах, а также после революции. Ни кровавая реакция царизма, ни идейное разложение в рядах «попутчиков» революции не поколебали веру в жизненность и правильность революционных лозунгов борьбы с самодержавием. Совместная борьба против царизма усилила взаимное доверие и дружбу между эстонским и русским народами.

TARTU ÜLIKOOL 1905. AASTAL.

L. Eringson.

NSV Liidu ajaloo kateeder.

Resümee.

Tartu ülikooli ajalugu 1905. aastal on esimese Vene revolutsiooni ajaloo lahutamatu koostisosa. Ülikool kujunes revolutsioonilise võitluse üheks koldeks Eestis, kusjuures tema koha revolutsioonis määras demokraatlik üliõpilaskond. Üliõpilased olid kodanlik-demokraatliku revolutsiooni ülesannete lahendamise eest võitlejate poliitilise armee üheks väesalgaks. Eesrindlik üliõpilaskond võttis omaks proletariaadi revolutsioonilise taktika ja toetas otsustavalt alanud revolutsiooni, kuulutades veebruari algul poliitilise streigi kuni sügiseni.

Demokraatliku üliõpilaskonna lülitumine revolutsioonilisse võitlusesse oli tingitud XX saj. algul Venemaad haaranud sügavast sotsiaal-majanduslikust kriisist ja põhjustest, mida kutsus esile tsarismi reaktsiooniline hariduspoliitika. Üliõpilaskonnaliikumine ei olnud iseseisvaks jõuks revolutsioonis, vaid üldrahvaliku revolutsioonilise tõusu tulemuseks ning arenes tihedas seoses proletariaadi võitlusega. Kuid tal oli suur tähtsus demokraatliku intelligentsi kaasaotõmbamisel tsarismivastasesse võitlusesse. Sellest tingitult nõudis V. I. Lenin parteilt üliõpilaskonnaliikumise igakülgset toetamist. Lähtudes V. I. Lenini õpetusest tõmbasid bolševikud üliõpilasi kaasa võitlusesse revolutsiooniliste loosungite all.

Tartus juhtis ja suunas demokraatliku üliõpilaskonna revolutsioonilist võitlust VSDTP Tartu rühm, mis koosnes peamiselt üliõpilastest.

Tartu üliõpilaste revolutsioonilise liikumise aktiivsemateks organiseerijateks ja osavõtjateks olid vene revolutsioonilisdemokraatlikud üliõpilased. Nad mobiliseerisid võitlusesse ka teistest rahvustest üliõpilasi, sealhulgas eestlasi. Eesti üliõpilaste paremik liitus isevalitsusevastase võitlusega. Teatud osa nendest sattus eesti föderalistide mõju alla, mis oli mõnevõrra tingitud tsarismi reaktsioonilisest venestamise ja rõhumise poliitikast.

Tartus, kus tööstus oli võrdlemisi nõrgalt arenenud ning domineerisid käsitööstusliku iseloomuga ettevõtted, puudus tugev proletarne tuumik, kes oleks suuteline olnud juhtima õppiva noorsoo

võitlust, nagu seda oli Peterburis, Moskvas jm. See asjaolu lõi soodsa pinna eesti kodanluse natsionalistliku ideoloogia levitamiseks. Revolutsioonilistel üliõpilastel tuli tööliste seas läbi viia suurt organisatsioonilist ja kasvatuslikku tööd, et äratada ning tugevdada nende poliitilist teadlikkust. Ülikooli üliõpilased astusid välja käsikäes Veterinaaria Instituudi — Tartu teise kõrgema õppeasutuse üliõpilastega.

Üliõpilasliikumine Tartus, nagu mujalgi, ei olnud ühtne liikumine, sest üliõpilaskond oli väga tihedalt seotud ühiskonna kõigi klasside ja sotsiaalsete kihtidega, kes erinevalt suhtusid revolutsiooni.

1905. aasta sügisel loobusid Tartu ülikooli üliõpilased passiivsest streigist ja läksid üle aktiivse võitluse taktikale, avades ülikooli revolutsioonilisele rahvale. Nurjusid valitsuse arvestused isoleerida ülikoolile autonoomia andmisega üliõpilasi revolutsioonist.

Seoses uue taktikaga moodustas demokraatlik üliõpilaskond liikumise organiseeriva keskuse ja seesmise omavalitsuse valitava organi — Delefaatide kogu. VSDTP Tartu rühm ja Delefaatide kogu löid sidemeid teiste ülikoolide, eriti Peterburi ülikooli üliõpilasorganisatsioonidega. Poliitilise propaganda tugevdamiseks noorte seas asutati ülikoolis üliõpilasühing „Proletari“; töölisringides töötamiseks eraldati rühm propagandiste. Üliõpilased asusid koos töölistega võitlussalkade moodustamisele.

Tartu üliõpilaste liikumine saavutas kõrgeima tõusu ülevaenemaalise poliitilise streigi perioodil 1905. a. oktoobris. Ülikool muutus revolutsiooniliseks keskuseks Tartus, kujunedes masside, eriti tööliste poliitiliseks kooliks.

Revolutsiooniline üliõpilaskond suhtus 17. oktoobri tsaarimanifesti väga umbusklikult ning hakkas kohe kutsuma rahvast relvasutatud ülestõusule.

1905. a. detsembris, millal Venemaa proletariaat alustas relvasutatud ülestõusu, ei suutnud Tartu üliõpilaskond seda toetada. Üliõpilasliikumine nõrgenes seoses teadlikuma osa üliõpilaste lahkumisega Tartust pärast õppetöö katkestamist, samal ajal aga tugevnes menševike ja föderalistide mõju. Uheaegselt algas vallandatud sõjaseisukorra kehtestamisega Balti kubermangudes kontrrevolutsiooni avalik pealetungimine.

Professorite ja õppejõudude seas eraldusid põhiliselt kaks leeri. Monarhistlik, reaktsiooniline osa professoritest astus avalikult välja revolutsiooni ning isegi liberaalsete taotluste vastu. Kuid ülikooli nõukogus jäi see vähemusse ning otsis sidet reaktsioniliste elementidega väljaspool ülikooli.

Enamus professoreid ja õppejõude kuulus liberaalide hulka, kes kasutasid revolutsiooni alguses tsarismi sõjalisi lüüasaamisi ja revolutsioonilise liikumise tõusu surve avaldamiseks valitsusele, taotledes mõningate poliitiliste vabaduste, peamiselt aga ülikoolide autonoomia saavutamist.

1905. a. sügisel liberaalsed professorid rahuldusid ülikooli pii-

ratud autonoomiaga ja 17. oktoobri tsaarimanifestiga ning pingutasid kogu oma jõu üliõpilasliikumise mahasurumiseks ja õppetöö taastamiseks ülikoolis. Tartu ülikooli liberaalsed professorid ei kasutanud vägivaldseid repressioone üliõpilasliikumise vastu. Nad arvestasid üliõpilaste abi juhul, kui valitsusvõimud oleksid alustanud pealetungi äsjaantud autonoomiale. Peale selle sai liberaalse professuuri positsioonis üheks määravaks teguriks balti aadli äärmine vaenulikkus ülikooli vastu, viimase tungiv nõudmine ülikooli kui revolutsioonilise „nakkuse” keskuse hävitamisest.

Kõige demokraatlikumaid vaateid väljendasid rahvusvahelise õiguse professor V. Grabar ja saksa ning võrdleva filoloogia professor D. Kudrjavski, kellel olid sidemed revolutsiooniliste üliõpilastega, kuid nende tegevust jälgisid rangelt politseiorganid.

1905. aasta on helgeks leheküljeks Tartu ülikooli ajaloos. Revolutsiooni võimsa pealetungi perioodil said ülikooli demokraatlikud jõud lahingulise karastuse. Nad jätkasid vabadusvõitlust ka revolutsiooni taandumise perioodil 1906.—1907. a. ning samuti pärast revolutsiooni. Nii tsarismi verine reaktsioon kui ka ideoloogiline laostumine revolutsiooni ebakindlate „kaasasõrkijate” ridades ei kõigutanud demokraatlike jõudude usku isevalitsusevastase revolutsioonilise võitluse loosungite elulisusse ja õigsusse. Ühises võitluses tsarismi vastu tugevnesid vastastikune usaldus ja sõprus eesti ja vene rahva vahel.

DIE UNIVERSITÄT TARTU IM JAHRE 1905.

L. Eringson.

Zusammenfassung.

Die Geschichte der Universität Tartu im Jahre 1905 bildet einen wesentlichen Bestandteil der Geschichte der ersten russischen Revolution. Die Universität wurde zu einem wichtigen Herd des revolutionären Kampfes in Estland, die demokratische Studentenschaft zu einer Abteilung der politischen Armee, die für die Lösung der Aufgaben der bürgerlich-demokratischen Revolution kämpfte. Die fortschrittliche Studentenschaft fühlte sich zur revolutionären Taktik des Proletariats hingezogen und unterstützte entschlossen die beginnende Revolution.

Der Eintritt der demokratischen Studentenschaft in den revolutionären Kampf war durch die tiefe sozialökonomische Krise in Russland Anfang des XX. Jahrhunderts bedingt, hatte aber auch spezifische Gründe, die sich aus der reaktionären zaristischen Politik auf dem Gebiet der Volksaufklärung ergaben. Jedoch bildete die Studentenbewegung keine abgesonderte selbstgenügsame Kraft in der Revolution, sondern war das Ergebnis eines das ganze Volk erfassenden Aufschwungs und entwickelte sich in engster Verbundenheit mit dem revolutionären Kampf des Proletariats. Von grosser Wichtigkeit war es aber, dass sie die demokratische Intelligenz in den Kampf gegen die Selbstherrschaft hineinzog. Gerade das war der Grund, warum W. I. Lenin die grösstmögliche Unterstützung für die Studentenbewegung forderte.

Die führende Rolle im Kampf des demokratischen Studentenschaft übernahm die Tartuer Gruppe der RSDRP, die hauptsächlich aus Studenten bestand.

Die aktivsten Organisatoren und Teilnehmer an der Studentenbewegung vom Jahre 1905 waren die revolutionär-demokratischen russischen Studenten, die die Studenten anderer Nationalitäten, insbesondere die Esten, zum Kampf mobilisierten. Der fortschrittliche Teil der estnischen Studenten schloss sich dem Kampf gegen den Zarismus an. Es ist wahr, dass viele von ihnen unter den Einfluss der estnischen Föderalisten gerieten, was bis zu einem gewissen Grade durch die reaktionäre Russifizierungspolitik der zaristischen Regierung bedingt war.

In Tartu war die Industrie verhältnismässig schwach entwickelt. Es fehlte der kraftvolle proletarische Kern, der dazu befähigt gewesen wäre, die studierende Jugend nach sich zu ziehen, wie es z. B. in Moskau und Petersburg der Fall war. Dadurch war der Verbreitung der nationalistischen Ideologie der estnischen Bourgeoisie ein günstiger Boden bereitet. Die revolutionär gesinnten Studenten mussten eine weitgehende organisatorische und erzieherische Arbeit unter den Arbeitern durchführen, das Klassenbewusstsein in ihnen wecken. Zusammen mit den Studenten der Universität trat auch die Studentenschaft des Veterinärinstituts auf.

Wie überall, so auch in Tartu, verlief die Studentenbewegung nicht einmütig, da die Studentenschaft mit allen Klassen und sozialen Zwischenschichten der Gesellschaft, die in ihrer Einstellung zur Revolution stark voneinander abwichen, eng verbunden war. Am reaktionärsten waren die deutschen Korpsstudenten.

Im Herbst 1905 gab die revolutionäre Studentenschaft den passiven Streik auf und ging zur Taktik der Eröffnung der Universität im Interesse der Revolution über. Die Regierung war bestrebt, durch die Autonomie der Universität die Studenten von der Revolution abzulenken, doch ihre Berechnungen erwiesen sich als falsch.

Im Zusammenhang mit der Taktik des aktiven Kampfes gründeten die Studenten ihr eigenes organisierendes Zentrum der Bewegung, — eine Delegiertenversammlung. Zwecks Entfaltung der politischen Propaganda unter der Jugend wurde der Studentenverein „Der Proletarier“ gegründet. Es wurden Propagandisten für die Leitung der Arbeitszirkel gewählt. Die Studenten begannen revolutionäre bewaffnete Arbeiterwehren zu organisieren. Es wurden Verbindungen mit den Petersburger Studenten hergestellt.

Ihren Höhepunkt erreichte die revolutionäre Bewegung der Tartuer Studentenschaft in der Periode des allrussischen Streiks im Oktober. Die Universität wurde zum Zentrum des revolutionären Kampfes in Tartu, zu einer politischen Schule der Massen, insbesondere der Arbeiter. Dem zaristischen Manifest vom 17. Oktober gegenüber verhielt die revolutionär gesinnte Studentenschaft äusserst misstrauisch und fing an zum bewaffneten Aufstand aufzurufen.

Als im Dezember das russische Proletariat in den bewaffneten Kampf trat, konnte die Tartuer Studentenschaft es nicht unterstützen. Die Studentenbewegung war geschwächt, da die meisten Studenten in Verbindung mit dem Schliessen der Universität Tartu verlassen hatten. Der Einfluss der Menschewiki und Föderalisten, die den bewaffneten Aufstand ablehnten, nahm wieder zu. Nach der Einführung der Kriegszustandes im Baltikum begann der offene Angriff der Konterrevolution.

Unter den Professoren und Lehrern machten sich im wesentlichen zwei Lager bemerkbar. Der monarchistische, reaktionäre Teil

der Professoren trat offen gegen die Revolution und die liberalen Forderungen auf. In der Universität bildeten sie jedoch die Minderheit.

Die meisten Professoren und Lehrer waren aber Liberale. Zu Beginn der Revolution nutzten sie die militärischen Niederlagen des Zarismus und die wachsende revolutionäre Bewegung dazu aus, um einen Druck auf die Regierung auszuüben, um gewisse politische Freiheiten, vor allem aber die Autonomie der Universität zu erreichen.

Im Herbst 1905 geben sich die liberalen Professoren mit der unvollständigen Autonomie der Hochschule zufrieden und danach auch mit dem zaristischen Manifest. Sie versuchten mit Aufbietung aller Kräfte die Studentenbewegung zu unterdrücken, aber griffen zu keinen Repressivmassnahmen gegen die Studenten, weil sie Sachen der Erhaltung der Autonomie auf ihre Hilfe in rechneten. Ausserdem wurde die Stellung der Liberalen durch die Angst vor der Revolution bestimmt, wie auch durch das äusserst feindselige Verhalten des baltischen Adels der Universität gegenüber, der unermündlich die Vernichtung dieses Herdes der „Aufruhr“ forderte.

Vertreter der radikal-demokratischen Ansichten waren der Professor des Völkerrechts W. Grabar und der Professor der deutschen und vergleichenden Philologie D. Kudrjowski. Sie standen in Verbindung mit den revolutionären Studenten, aber ihre Tätigkeit wurde von der Polizei streng überwacht.

Das Jahr 1905 ist eine lichte Seite in der Geschichte der Universität Tartu. In der Periode des mächtigen Vormarsches der Revolution erhielten die demokratischen Kräfte der Universität ihre Feuertaufe. Sie setzten den Freiheitskampf noch unter den Bedingungen des Rückzugs der Revolution in den Jahren 1906—1907 und auch nach der Revolution fort. Weder die blutige Reaktion des Zarismus noch die ideologische Zersetzung in den Reihen der „Mitläufer“ der Revolution erschütterte den Glauben an die Aktualität und Richtigkeit der revolutionären Lösungen zum Kampf gegen die Selbstherrschaft. Das Jahr 1905 festigte die freundschaftlichen Beziehungen zwischen dem estnischen und dem russischen Volk.

Vastutav toimetaja prof. H. Moosberg
Korrektorid A. Pravdin ja E. Uuspõld

Ladumisele antud 24. V 57. Trükkimisele antud 17. VIII 57. Paber 60 × 92 ¹/₁₆.
Trükipoognaid 4. Arvutuspoognaid 4. Trükiarv 700. MB-06031. Tellimise nr. 1578.
Hans Heidemanni nim. trükikoda, Tartu, Vallikraavi 4.